

ВЕСЕННИЙ

И. Бонифратковичу

ПОЛДЕНЬ

Healey

**Х А Л И М А Т
БАЙРАМУКОВА**

■ СТИХИ

■
СТАВРОПОЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕРКЕССК 1966

Составитель И. АДЖИЕВ

В книге у меня так много «я»,
Но все эти «я»,—пойми не я.
Слить в себе десятки тысяч «я»
Или слиться с ними—цель моя.
1962.

Весенняя осень моя!
Ты чудо свершила со мною, —
Я зиму ждала,
Печаль затая,
А ты обернулась весною.

Вдыхаю я твой аромат молодой,
Ты пахнешь фиалкой лесною.
Теперь я, конечно,
Не встречу с зимой,
Ведь ты обернулась весною!

1965.

Доверчиво, тревожно—вновь и вновь —
Жду новых дней, еще покрытых тайной,
Как осень — зиму, девушка—любовь,
Как горец гостя ждет с дороги дальней.

1955.

О человеческие лики!
Людские лики —
это книги,
прочитанные впопыхах
в метро,
трамваях,
поездах.
Лицо —
раскрытая страница.
На ней расположение строк —
скрещение морщин на лицах
как бы скрещение дорог.
Мне путь с людьми пройти немалый,
и чтоб идти мне напрямик,
хочу, чтоб лучше,
лучше знала
я содержание этих книг.

1965.

...Нет. Женские песни ты мне позволь
Слагать по-женски:
Пуškai без конца,
Как женщина дом обживает свой,
Уютом они обживают сердца.

Пуškai по-женски звучат слова,
И женских будут полны идей,
Пуškai, как женщина, будет нова
Моя поэзия каждый день.

Пуškai, как женщина, песня моя
Прекрасна будет. И, может быть,
Как женщина, жертвуя и любя,
Она заставит себя любить.

Пуškai, как мать, отдавая дань
По-женски мужественной судьбе,
Одной рукой отсылает вдаль,
Другой рукою—зовет к себе.

1965.

Никогда у сердца не пытала,
Слушай, сердце, может, ты устало?
Никогда не спрашивала я,
Не болишь ли, сердце, жизнь моя!

Мало, сердце, я тебя балую,
Все гоню вперед напропалую,
Как наездник быстрого коня...
Ты не видишь ласки от меня.

Знаю, знаю!—да, я виновата.
Признаюсь тебе, я грубовата,
Я горянка. А в горах живет
Слишком строгий,
сдержанный народ.

Но джигит, что вдаль,
по горным тропам,
Гонит лошадь бешеным галопом, —
Во сто крат нежнее и добрей
В обращении с лошадью своей.
То по шее он ее погладит,
То подпруги бережно расслабит,
То пастись отпустит на лужку
Да и сам заснет на бережку...

Я же—
Дни и ночи,
Дни и ночи,
Что есть силы,
Что есть только мочи
Все гоню,
Гоню тебя,
Гоню,
Ни житья, ни сена не даю.
Впрочем, сердце, мы с тобою слиты,
Впрочем, сердце, мы с тобою квиты,
Я тебя гоню,
А ты — меня, —
Всадник превращается в коня.
А теперь — скорей, мой друг суровый!
Впереди барьер маячит новый,
Ну же! — мчись, беги, скачи, лети!
Горы дела ждут меня в пути.
Ты же, сердце, — ничего не делай,
Только знай — гори надеждой смелой,
Трепещи, стучи, своди с ума, —
Остальное — сделаю сама.

1963.

Свои цвета, оттенки у времен;
Есть время голубое, желто-сдобное,
Есть черное, как самый страшный сон,
Есть... — и так дальше... и тому подобное.

Хотел бы кто-то выбрать из времен
Голубенькое; кто-то желто-сдобное;
Кто—черное, как самый страшный сон,
Кто—и так дальше... и тому подобное.

Я не больна куриной слепотой,
Цветных очков боюсь, как злого бремени.
Но тем яснее вижу я, какой
Лучистый цвет у будущего времени.

1962.

Солнце землю блеском обдает.
Солнце никогда не устает
Землю греть. Наверно потому,
Что земля внимательна к нему.

Одного я не пойму: зачем
Солнце греет всех и светит всем,
Всем, кто любит солнце, и равно
Всем, кому не нравится оно.

1962.

Думаешь, с криком «ура!»
Любят и верят сильнее!
Я не кричу «ура!»,
Я молча любить умею.
Молча,
Наверняка
Вечно и неизменно.
Шум исчезает, как пена,
Но остается река
Там,
Где любовь глубока.
Не верю я
Крикунам,
В крике пружинящим шею.
Я молча жизнь отдам,
Я молча любить умею.

1961.

Что ни утро —
То новые чувства рождаются во мне.
Что ни вечер —
То новые мысли роятся во мне.
Или время спешит,
Увлекая меня за собой!
Или я тороплюсь,
Увлекая его за собой!

Теплый ливень надежд
Обливает меня с высоты.
Как под ливнем грибы, шевелясь,
Вырастают мечты.
Но какими словами,
Каким говорить языком,
Если шагом язык мой,
А сердце-то,
Сердце — бегом!
Одолжи мне, земля,
Все слова
Всех народов твоих;
Я цветами,
Плодами,
Садами верну тебе их.
1962.

О Ленине пишут
И ночью и днем,
Одни повторяя другого.
А мне —
Так хотелось бы
Молвить о нем
Свое,
Не чужое слово!
Но сколько бы я
Не промолвила слов,
Все—что-то не то.
Да и сложно.
Мою благодарность к нему и любовь
Словами сказать невозможно.
А может быть,
Может быть,
[Право, как знать!]
Я все-таки что-то сказала!
Сказала — и хватит.
Зачем повторять!
А мне,
Ненасытной,
Все мало.

1962.

Ты любишь степи, вольный их простор
И трель кузнечика в вечерний час,
А я люблю громады снежных гор,
Хребтами к небу вскинутый Кавказ.

И кто же нас сумеет обвинить,
Что мы с тобой не про одно поем —
Степной простор и гребней снежных нить —
Не это ли мы Родиной зовем?

1958.

РУССКИЕ ЛЮДИ

Это слишком громкий заголовок
Для стиха.

А подружились мы

Просто так —

Без фраз и подготовок

С дорогими русскими людьми,

Свой напев,

Свой танец,

Свой обычай,

Свой язык у каждого из нас,

Но живем,

Не чувствуя различий,

То бедой,

То радостью делясь, —

Просто так...

«Лезгинку»

И «Калинку»

В час веселый под одну гармонь

Без запинки спляшем,

Без заминки

Друг за друга бросимся в огонь.

Кто-то фразой наш союз отметит,

А ведь мы по-свойски!

Просто так.

...И одна звезда над нами светит
И один для нас горит очаг.

1962.

◆

Земля,
Нет в похвалах тебе нужды,
Но знаю я,
Поэты всех веков на все лады
С минуты сотворенья
Поэты всех веков на все лады
Писали о тебе стихотворенья.
И я должна воспеть тебя, земля,
Твои поля, моря, лесные гущи,
Как должен воспевать тебя, земля,
Любой и всякий на тебе живущий.
О, ты нужна мне не для двух ступней,
Не для того, чтоб где-то под вершиной
В последний мой денек,
В один из дней
Могла б занять я три твои аршина.
Ты мне нужна,
Чтобы стоял мой дом,
Чтоб сыновьям моим жилось в нем славно,
Чтоб он был и для внуков очагом,
Чтоб вместе с домом ты вращалась плавно,
Чтоб на тебе рожденное дитя
В своей бы ты качала колыбели,
Чтоб облака пушистые темнели, —
Но не затем, чтоб закрывать тебя —
Чтоб дать тебе живительность дождя.

Ты мне нужна,
Чтобы цветы могли
Цвести в любых краях родной России,
Чтоб руки материнские мои
Тебя, огромную,
Ласкали и растили.

1965.

Чтоб, забывзя день вчерашний,
Беде в глаза глядеть бесстрашно —
Я мужеству у Родины учусь.

Чтоб здесь у нас и в мире целом
Был каждый шаг мой добрым делом—
Я доброте у Родины учусь.

Чтоб, радуясь республик чуду,
Как ей, мне б верили повсюду —
Я верности у Родины учусь.

Чтоб, как она, пройдя по будням,
Все сердце мне раздать бы людям—
Я щедрости у Родины учусь.

Хочу быть сильной и красивой!
Как Родина моя — Россия,
Хочу друзей по-дружески встречать.

Хочу быть искренней и милой,
Чтоб вся земля меня любила,
Чтоб на любовь любовью отвечать!

1965.

ПЕСНИ ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ

Комсомолкой тогда я не была, нет!
И пионеркой не была в те годы,
Но, слыша песни тех далеких лет,
Мне кажется, и я жила в те годы.
Мир поднимая из руин, жила
Я в песнях,
Под огнем и под картечью.
И пела песни те, и шла, и шла
С подругами
Вперед заре навстречу.
Шла в ранний час
И в запоздалый час,
Чтоб с песнею,
лучась,
войти в ракету.
Ах, песни! Поколенья пели вас,
Чтоб привести нас
к высоте и свету!

1960.

◆

В каждые строки —
Свои итоги.
Вот верю всему
И не верю в себя,
Не верю в свои
Наболевшие строки,
Хоть и не баловала судьба,
И горя бывало
Не меньше, чем моря,
И пули ложились
Не реже семян...
Так что же себя
Я беру измором!
Как же уверовать мне в себя!
То ли я новою
Мерой мерю —
Верю всему,
А себе не верю!
То ль удивилась я
Силе века
И оробела вдруг перед ним,
Забыв,
Что могущество человека
И делает век великим таким!

1965.

Типично русские черты.

А что типично!

Цвет волос!

Их можно красить.

Иль ты

не знаешь!!

Вот и весь вопрос.

Типично — русское

В руках,

спасающих тебя в беде,

в больших сияющих зрачках,

в большой сердечной теплоте.

Земля!
Я на тебе живу.
И, если падать мне случается,
невольно
за твою траву
с тоской
рука моя хватается.
Рывок, другой — и я встаю.
Но не успев со страхом справиться,
уже топчу траву твою,
уже в лицо твое плюю.
Тебе не может это нравиться!

1965.

Назад не возвращаются
Ни снег,
Сойдя с небес,
Ни дым — в родной очаг,
Ни жизнь, которую не так начав,
Не так провел и кончил человек.
Ни слово брошенное,

Ни вода

Рек убегающих,
Ни беглый взгляд,
Ни проданная совесть, —
Никогда
Уже не возвращаются назад.
Ни в небо — снег,
Ни дым — в родной очаг,
Ни в поле — прошлогодняя трава,
Но добрыми делами
В добрый час
К тебе вернутся добрые слова.

1965.

Короткий день
порой бывает долгим.
Таким он был, декабрьский для меня.
Ждала тебя, ждала я,
но как, только
явился ты —
не стало вовсе дня.
День сократился
до размера мига.
Но как зрачок в обители своей,
тот миг расширен
до размера мира...
Побольше б нам таких коротких дней!
1965.

Хотела бы я стать
Одним единым днем.
(И солнце бы взошло,
И землю осветило).
Одним коротким днем,
Одним недолгим днем,
Но так, чтобы на всю
Подлунную хватило.
Одним коротким днем,
Одним недолгим днем,
Но чтобы крылось в нем,—коротком и недолгом,—
Толпа грядущих дней,
Живых его огнем,
Бригада, где никто
Не смеет быть недобрым.
Взойти единым днем
Уйти единым днем,
Уйти, рассыпаться на огненные брызги,
Чтоб мир забыл меня...
Но, отраженно, в нем
Я продолжалась бы, как солнце в лунном диске.

1965.

◆

— Земля,
Не хочешь ли судьбы иной!
Все ноги тебя топчут своевольно!
— Но головы все заняты ведь мной,
И я довольна!

1965.

Любимым деревом
сосну зовут в горах.
Любимых девушек здесь сравнивают с нею.
Смолу сосновую
на мартовских стволах
мы называем бодростью своею.
Мы из сосны
в горах возводим дом,
в сосновой люльке
первый сон качаем.
А чтоб у птицы
был аэродром,
мы возле дома
сосенки сажаем.
Пускай поют
в смолистой тишине,
пусть дятлы бьют
в стволы, как в барабаны.
Мы так вдали тоскуем
по сосне,
как на земле моряк по океану.
О гости, здравствуйте!
Я рада видеть вас!
Гостей встречают горцы
добрым словом.

Пусть наша дружба
крепнет в добрый час
не где-нибудь,
а за столом сосновым.

1965.

Ты говоришь:
На нас идет,
Теснит нас поколение,
И давит со своих высот,
Как бы гора в движении.

А ты теснил кого-нибудь,
Когда был молод,
Вспомни-ка!
Ты разрушал отцовский путь,
Путь—продолженье подвига!!

Нет, сын не потеснит отца!
Любую примет трудность.
В грядущее стучат сердца —
С молодостью мудрость.

1965.

◆

Мы творим чудеса.
Ну и что же!
Целый мир удивляется им.
Только мы не дивимся.
Ну кто же
Удивляется детям своим!

1962.

Я не лучше других
И не хуже.
Быть лучше других—не хочу,
Быть хуже других—боюсь,
Я всегда лишь собой остаюсь,
А не лучше других,
И — не хуже!

1965.

Меня, убитую войной,
Какая сила воскресила!!
Она. Война.
На смертный бой
Иду с враждующею
силой.

1964.

Нет, никогда не уходят годы
В Лету,
В темные воды.
Время...
Сегодня — мне овладеть им.
Завтра—моим же детям.

Нет, никуда не уходят годы,
Переселяются годы...
Время проспав,
Не успев овладеть им,
Ты не ревнуй его к детям.

1962.

◆

Боюсь я стать такой старушкой!
Ворчит с утра и до темна,
Ворчит, скворчит, снимает стружку
Со всех и с каждого она.
То внуки — ох! — одна забота.
То — непогода — ах! — одна беда.
И на кого-то и на что-то
Она сердитая всегда.
Как видно, в жизни не успела,
И постарела...
И ворчит...
И даже в том, что постарела,
Кого-то третьего винит.
Все ей — прореха и проруха,
Хоть под ноги стели парчу...
Как плохо стать такой старухой!
А впрочем,
Никакой старухой
Я становиться не хочу!

1962.

«Люблю народ мой», —
Открывалась книга
Моих стихов
Такой строкою скромной.
Но мой редактор молвил:
«Зачеркни-ка!
Должна любить весь мир,
Весь мир огромный.»
Чья правда!
Он — любовью благородной
Весь мир объял. А свой народ—ни
капли.
А я влюбилась в маленький народ мой
И через это — в целый мир.
Не так ли?

1959.

Родные хребты
Карачая
Меня в калыбели
Качали.
Здесь детство мое
Подрастало,
И здесь оно
Юностью стало.
Народ мой,
Ты дал своей птице
Могучие крылья
Орлицы.
О, край мой любимый,
Чудесный,
Ты дал мне
И голос,
И песни,
Ты дал все, что я
Попросила —
Горячее сердце
И силу.
И тем,
Что гостей привечаю
Обязана я
Карачаю.

И даже в далекой
Дороге
Со мной
Надежный и строгий
Мой маленький,
Мудрый народ,
Тобой мое сердце
Живет.

Ты трижды любимый
Втройне,
Великий
В великой стране.

1961.

Нередко горец нежным быть скупится,
Не может он свое «Люблю!» сказать.
Но как он любит, как к тебе стремится,
Его глаза красноречиво говорят.
Заглянешь в них —

и в миг оторопеешь:
Ягненка кротость приютилась в них,
Реку Кубань увидеть в них сумеешь,
Ликующий цветочный майский вихрь.
И строгое величие Эльбруса
Увидишь в них,

от счастья ахнув вдруг,
Как сдержанный, застенчивый, безусый
Тебе любовь протягивает вдруг.

1963.

Горянку стройную поэт сравнил с сосной,
Горянка мать—орлицы величавей,
А девочка пленит своей весной,
По склонам гор, срывая сочный щавель.
Мальчишка скачет, словно козенок,
Лишь ручейки сверкают из-под пяток...
...А там — джигит бросается в поток.
И конь горяч, и миг победы сладок.
Твои дела тебя с орлом роднят,
Джигит, джигит, красавец черноусый,
Два мудрых старца за тобой следят —
Седой Эльбрус и лучший друг Эльбруса
Твой древний дед...
Я, не смыкая глаз,
Ищу сравненья людям, птицам, маю...
Тебе ж поэт сравненья нет у нас
И с чем сравнить тебя —
сама не знаю...

1963.

◆

...Бывает, устану порой от забот —
Далекое детство на память приходит
И мамины руки я вспомню...

— и вот

Мне в душу врываются вихри мелодий.
...Случается, сердце тревожно болит,
Сулит непогоду. В ночи мне не спится...
И вспомнится мне знаменитый джигит,
Добывший перо из летящей орлицы.
...Бывает, душа,

словно полночь мрачна,
В пространство уставлюсь сухими глазами.
...Но книгу любви не за тем ли прочла
Прочитанным чтоб поделиться с друзьями!
Я к людям иду, глуховато бурлит
Лесной родничок убегающий к рекам: —
Наш горский обычай нам строго велит:
Ему — не иссякнуть, мне—быть человеком.

Горы! Что вы сделали со мной!
Чем заморозили! Властным зовом
К подвигам горячим и суровым,
Или мудрой снежной сединой!

Ваша твердость мне передается,
Я держусь на ваших скользких тропах:
Чем пыливей вглядываюсь в пропасть,
Тем ровней, спокойней сердце бьется.

И, встречая блеск вершин бесстрастных,
В самом риске чую твердь опоры.
...Горы любят сильных и бесстрашных,
Горы любят тех, кто любит горы.

1957.

ТЕБЕРДА...

Твои красоты в сердце унесу я
И напишу о чем-нибудь другом.
Не лучше ли, чем славословить всею,
Порой молчать о самом дорогом.

1957.

— Какие высокие горы! —
Проезжий турист произнес,
Не глянув на горца,
Который
Все горы душой перерос.

1961.

Куда бы ни ушла я, —
В равнину,
В море,
В город,
Всегда за мной — я знаю —
Идут родные горы.

1962.

У ЭЛЬБУСА

Не передашь —
Кругом такое чудо!
Я — слух и зренье,
Снег и синева.
Я только чувство.
Остальное чуждо.
И не мое перо,
И не мои слова.

1957.

В одном колхозе
Кружку молока
Мне поднесла
Колхозницы рука.
Один глоток —
И вот
Волна тепла
Молочного
Мне сердце обтекла.
Другой глоток
Напомнил, что рука
Была еще
Теплее молока.

1962.

Хасанчик ликует. Чему же он рад!
Теперь у Хасанчика маленький брат.
Я к дому счастливцев с подарком

спешу---

Красивое имя нашел малышу!
Но разве поспеешь: Мурат и Хусей
Уж спорят во всю, заглушая гостей:

— Даутом назвать!..

— Нет, пусть Цезарем будет!..

— Дай старшему слово! Пусть старший

рассудит!

Асхат седовласый, клюкою стуча,

Приблизился к зыбке:

Пусть будет: Карча!

— Ну это ж старо!—не сдержался

Мурат.

— Придумаешь лучше!— в застолье

шумят.

К ревущему брату Хасанчик подходит:

— Тебе не придумали имя, Володя!..

1958.

◆

Вы бывали на Кавказе!
Не бывали, значит, нет!
Чтобы не было okazji,
Я открою вам секрет:
Стоит вам по праву гостя,
В наши горы только раз
Завернуть — навеки горца
Горы сделают из вас.
Мы запишем вас в кавказцы,
Все получится, как в сказке,
И, невольно или вольно,
(То есть очень добровольно),
Назоветесь вы, не скрою,
Нашим зятем иль снохою.
Если это вам тревожно,
Если это не по вас, —
Вы ведь знаете, что можно
И не ехать на Кавказ.
Я ведь вас не заставляю,
Не тащу силком! Но знаю,
Знаю,
Будете у нас.

1962.

Вы бывали на Кавказе?
Не бывали, значит, нет!
Чтобы не было okazji,
Я открою вам секрет:
Стоит вам по праву гостя,
В наши горы только раз
Завернуть — навеки горца
Горы сделают из вас.
Мы запишем вас в кавказцы,
Все получится, как в сказке,
И, невольно или вольно,
[То есть очень добровольно],
Назоветесь вы, не скрою,
Нашим зятем иль снохою.
Если это вам тревожно,
Если это не по вас, —
Вы ведь знаете, что можно
И не ехать на Кавказ.
Я ведь вас не заставляю,
Не тащу силком! Но знаю,
Знаю,
Будете у нас.

1962.

НАД РЕЧКОЙ БЫСТРОЙ

Опушка леса
Над речкой быстрой,
И мы вдвоем...
Ты, мой любимый,
Мой самый близкий,
Забылся сном.

Как колыбельной,
Реки журчаньем
Ты усыплен.
Не дам, чтоб ветер
Своим шептаньем
Прервал твой сон.

— Умчись отсюда, —
Шепчу я ветру, —
Не беспокой!
Сосна-старуха,
Развесив ветки,
Его укрой!

Сама его я
На травке волглой
Ласкать должна,
А рано утром
Его надолго
Возьмет война.

Все планы жизни,
Залиты кровью,
Огнем горят...
Склонясь на грудь мне,
Храним любовью,
Спи, мой солдат.

Спи, ненаглядный,
От снов пусть будет
Тебе светло.
Тебе в дорогу
Даю я грудью
Свое тепло.

Как прочный панцирь,
Как верный спутник,
Во всех боях
Тебе надежной
Защитой будет
Любовь моя.

1941.

МОЯ СТРАНА

Был год, тот страшный год,
И вся земля в огне.
Дороги горя и забот —
Дороги на войне.

Вся изрешечена в боях,
И вся обожжена,
Скорбила ты о сыновьях,
Моя страна.

О, сколько их,
Детей твоих
Осталось в злой степи!
Сухарь давая на двоих,
Велела:
— Потерпи.

Сказала мне:
— Иди туда,
Где боль и смерть!

Иди, как солнце и вода.
Не дай им умереть.
И я шагнула в этот год
Со всеми наравне.

Стонал войны водоворот,
И трудно было мне.
Потом взяла моих родных
И молодость
Война.
Ты стала рядом, вместо них,
Моя страна.

Моя надежда и весна,
Мой полдень голубой.
И если в жизни я сильна,
То я сильна тобой!

1957.

Его хлестнуло по глазам —
Огню войны легко обидеть.
— Он будет жить, —
Нам врач сказал.
— Он будет жить,
И ничего не видеть.
Какие были у него глаза,
Сказать нельзя.
Одна лишь мать
Об этом знала.
И нам казалось,
Жжет глаза
Свет стосвечевого накала.
И чтобы он ушел из тьмы,
И видел все,
Что видеть хочет,
Свои глаза
Той страшной ночью
Отдать готовы были мы.

1942.

Осенняя ночь осветилась луной,
Тревожа по-мирному сердце...
А пули свистят над моей головой—
Незримые гончие смерти.
Со мною мои боевые друзья,
Но сердце все просит, все ищет тебя
Под этой луною, как будто
Могла бы, прижавшись к любимому, я
Забывать о войне на минутку.

1941.

Не плачу, что ветер в горах отшумел,
Дорога во мгле потонула,
Что молодость я запахнула в шинель
И плотно шинель застегнула,

Что радость, надежду и ласковый взгляд
Забыв, — не для славы, для чести, —
Пошла, презирая старинный адат,
На битву с мужчинами вместе.

Что милых, родных потеряла в бою,
Что рано прокрались седины
Такие студёные! — в косу мою,
Как в речке осенние льдинки.

Изныла душа по родимым горам,
Сгорела в любви молчаливой...
Но я никогда никому не отдам
Мой жребий—печальный, счастливый.

1960.

Руку солдат потерял

И ногу,

Кров и родню...

И один побрел

Вдаль, не боясь потерять дорогу

К дому,

Где некогда их обрел.

1965.

Узнав о том,
что милый пал в бою,
я не заплакала,
я не заплакала...
Я глубоко и верно слезы спрятала,
да и теперь — я тоже их не лью.

Дай волю им—
так верно, уж давно
меня их половодье захватило бы
и унесло...

Не знаю, все равно
их не хватило бы,
их не хватило бы...

1965.

Мой бог
Ни слева
И ни справа.
Ни в вышине,
Ни на земле,
А бог единственный мой —
Правда —
Живет в безбожнице —
Во мне,
И в десяти тысячное утро —
Его совет,
Его ответ,
И как ему служить ни трудно,
Во мне отступничества нет.
1963.

Я только вышла из гнезда,
Я только-только стала птицей...
А тот орёл — всему беда —
Велел мне с крыльями проститься.
Но, слава богу, нет орла,
И вновь ношу я два крыла.

1962.

Бураны тебя заметали зимой,
Весна пригревала приветно.
Травинки на крыше твоей земляной
Качались от горного ветра.

Ах, где ты, мой старый отеческий дом!!
Издrevле знакомый с бедою —
Ты крепко держался, отеческий дом,
Покуда мы были с тобою.

Недуг стариковский тебя не точил;
Очаг твой — седой и священный
Спокойно дымился.
И вдруг разлучил
Нас вихрь морозный, военный.

Я долго скиталась в далеком краю,
И прежней вернулась тропою, —
И вот — над мощами твоими стою...
Я, плача, стою над тобою.

1957.

◆

Когда обвал грозит аулу,
Не делай лишней суеты,
А раскричавшегося мула
Веди подальше от беды.

Когда зима уйти забудет,
Не веселись, мол, есть каток! —
Скорей о тех подумай людях,
Что уж последний сена клочок
Скоту скормили... И к соседу,
С коня упавшему — спеши!
И торопи с приходом лето! —
Таков наказ моей души.

Горами любуются все,
К горам не приставлено сторожа...
О горы! О вашей красоте
И песен написаны горы же.

Средь песен немало пустых,
Средь песен—не все настоящие...
Скажите, как терпите их
Вы, небо на плечах держащие!

А мне нехватает любви всегда,
Чем больше ее дают,
Тем больше в любви у меня нужда,
Но будь справедливым, суд:
Имею права вот так любить,
Ведь столько я хочу одарить!

Мы с тобой, наверно, не любили,
Или мы лжбили через край!
Райские—в аду! — напитки пили,
Или это был крошечный рай!
Оба богачи! Иль оба — нищи!
Что других не думаем завлечь,
И, друг друга потеряв, не ищем,
Или—ищем, но боимся встреч!
Сами виноватые в разлуке,
Сами над любовью палачи,
Нам до смерти думать друг о друге—
В сине море брошены ключи.

◆

Меня ничто не сторонилось —
Не шла по жизни стороной...
Свидетельницей мне —
Не милость,
А в двадцать лет висок седой, —
И потому — все по-иному...
Я в двадцать три была вдовой,
А в двадцать пять тоска по дому
Все заслонила предо мной.

1950.

КАЗАХСТАНУ

Любовь

Навечно нас с тобой сковала,
По нашему веленью поступа...
Как раньше по горам я тосковала,
Теперь тоскую по твоим степям...
Мне было одиноко и гнетуще, —
Ты помнишь: я брела, душой устав,
И с задушевностью, тебе присущей,
Ты протянул мне руку, Казахстан!
И та рука тюльпаны мне срывала,
Лечила, если в поле застону,
И в каждый дом твой
Двери открывала
И приглашала к щедрому столу...
С тех пор,
Теплом друг друга согревая,
Мы льнем друг к другу,
Как река к реке.
Рука в руке — любовь моя живая!
Как хорошо нам жить—рука в руке!

1965.

Как хорошо мы жили все втроем!
Он сыном звал дитя.
Сын звал его отцом.
И, как цветок, зимой раскрывшийся
опять,

Я радовалась вновь,
Что я жена и мать.
Как хорошо мы жили все втроем!
Но злой соседки черная душа
Не пощадила душу малыша.
— Отец твой пал в бою. А ты—хорош! —
Зачем чужого-то отцом зовешь! —
Шепнула в ухо мальчика дыша.
И с плачем судорожным в дом вбежав,
Сын крикнул, кулачки до боли сжав:
— Ты почему, отец, не папа мне!!
Ведь ты живой!
Не умер на войне! —
Сын крикнул,
Кулачки до боли сжав.

Но отчим тут к себе привлек его,
И, дрогнув, слезы стер со щек его:

— Я жив, сынок, я не погиб, сынок!
Я шел к тебе!
Я умереть не мог!
И плача слезы стер со щек его.

1952.

Увижу чужого ребенка с отцом —
И сердцу замолкнуть велю.
Увижу ль чужого ребенка с отцом—
Их глаз выраженье ловлю.

И это с тех пор, как другой пришел,
Назвавшись погибшим отцом, пришел
Ко мне и к сыну, в наш дом пришел
Их глаз выраженье ловлю.

В глазенках ли сына замечу порой,
Когда ты со службы приходишь домой,
К тебе обращенный, веселый привет,
Меня счастливее нет.

Но если усталый ответишь не вдруг
На тысячу первый ребячий вопрос,—
Молчу,
Но тайком проливаю, мой друг,
Я реки невидимых слез.

Так ваши глаза
И не ваши глаза —
Мне жизнь и надежда,
Мне скорбь и гроза.

1962.

Ты, жизнь, в долгу
Передо мною.
Меня ломала,
Гнула ты,
Но, бог с тобой,
И я порою
Не замечала суеты.
Кляла тебя неосторожно,
Коверкала под вешний гул...
Так квиты мы,
Иль кто-то должен!
Ну что ж,
Пусть буду я в долгу.
Но буду я всегда в гореньи
Идти наперекор судьбе...
Оставь мне только вдохновенье
Другое все —
Бери себе!

1964.

Если жизнь разделить на части,
На две части—горе и счастье.
И потом положить на весы —
Перетянут горя часы.

Много прожито дней. Не беда —
Мне не дают на сердце они.
Я жила лишь в счастливые дни.
Мало их — значит я молода.

1960.

Осень во дворе,
А во мне — весна.
Сколько ни живу —
Все весне верна.

1962.

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Мы выросли совсем не на готовом,
Мы знаем силу ветра и огня,
Ровесники романтики суровой,
Ровесники задымленного дня.

И руки наши огрубели малость,
И кожа с них слезала сотни раз,
А вот сердца...

В сердцах мечта осталась.

Пусть не сполна дослушались когда-то
Мы соловья за рощей расписной,
Мечта не старилась,
И стала вдруг крылатой,
Шагнув земной,
И звездной целиной.

Пусть мы месили слякоть бездорожья,
И ошибались, больно ушибясь,
Без малого, большое жить не может.
И нам с годами сделались дороже
И каждый день,
И каждый час.

Ровесники!
Пусть нам теперь за сорок.
Недаром прожиты все эти сорок лет.
Они как вехи,
По которым
Шагнет за нами юности рассвет.

Все отойдет, что было плохо,
И светел будет коммунизма дом.
И вспомнит нас далекая эпоха
В своем чеканном ритме молодом.

1959.

Я проснулась.
Луна разбудила меня,
Молча став перед самым окном.
Что так поздно приходишь ко мне, Луна!
Почему не приходишь днем!
Отвечает Луна:
Я пришла бы и днем,
Только днем не бывает меня.
Отвори!
Я спустилась к тебе за огнем.
Нынче холодно. Дай мне огня.
Едут гости в мой дом, —
А какой это дом!
О, представь мой очаг без огня,
И у солнца, с которым встречаешься
днем,
Теплый луч попроси для меня.

1962.

Меж Землей и Вселенной границы
больше нет;
Нет и речи о ней.
Долго ль будут границы
Храниться
На земле
Безграничной моей!

1962.

Я в этом мире —
Мир громадный, —
Скращение равнин и гор.

Я самое себя, как надо,
Еще не знаю до сих пор.
Я — океан!

Найди границу,
Попробуй, отыщи-ка край.
Иль дна достань!

Еще я — птица, —
А ну, попробуй-ка, поймай!
Я — бесконечная дорога, —
А ну, попробуй, исходи!

Еще я — ветер-недотрога, —
А ну, в кулак меня схвати!
Во мне пять чувств!
Да бог с тобою!

Их миллион, —
а ну, сочти!
Во мне все небо голубое,
И вся земля в моей груди.
Лечу.
И свет я излучаю,
И свет других планет ловлю.

Я все остатки изучаю,
И все никак не округлю.
Извечность бытия
И вечность,
Я вам конца не нахожу!
И перед знаком «бесконечность»
Знак равенства я провожу.
Созвездье, как пролет оконный,
Мне в этот век,
И в этот миг.
Я во вселенной —
Мир огромный.
И каждый во вселенной —
Мир.

1964.

Отчего седины мы боимся, ответь,—
Как морозов—цветы! И готовы
Красить волосы в рыжий,
В каштановый цвет,
В черный, в желтый и чуть не в лиловый!
Отчего седины мы боимся, ответь!
Все чернявы мы,
Все златокудры...
Разве цвет седины не такой же цвет?
Он такой же,
Но только мудрый.

1962.

Расплескался чай в купе вагона, —
Кой-кого успел облить, обжечь...
Расплескалась жизнь моя с разгона.
Невозможно было уберечь.
Но когда бы снова чашей полной
Стала жизнь, я бы сказала ей:
Расплещись!
До капли.

Но запомни:
Никого не обожги!
Не смей!

1962.

Пчела лежала на полу,
С раздавленным крылом.
Сломил чуть видную пчелу
Чуть слышный перелом.

Кому нужна была пчела,
Больная, вся в пыли,
Без задней лапки, без крыла!!
И мимо люди шли.

И только Вы нагнулись к ней
И подняли. И в миг —
Так нежно, как нельзя нежней
Перенесли в цветник.

И посадили на цветок,
Среди живых листов...
И лишь цветок расслышать мог
Ее пчелиный вздох.

И лишь цветок увидеть мог
— Впервые и всерьез —
Счастливый, узенький поток
Ее пчелиных слез.

1962.

◆

Чья-то жизнь завершилась:
Несут венки на весу.
Чья-то жизнь зародилась —
Шаг навстречу концу.
А между дистанцией
рождения
И смерти — жизнь живет;
Она, как центр притяженья,
Тянет к себе, зовет.
Зовет, поет: смелее
Живи, человек, люби!
Радуйся солнцу, сея
Радость между людьми.
И все ли ты сделал, —
сверься, —
Чтоб трепетную нить
Меж колыбелью
и смертью
Для смертных удлинить.

1963.

Что там за дерево
Из камня выросло!
Спросила: «Как зовут!» —
Ответа не дало...
Но это дерево
Из камня вынесло
Нектар,
Которого
В том камне не было;
Из камня выжало
Росу,
И — выжило.

1965.

Прошел и этот день.

И эти сутки.

Я в них была, но я жила не в них.
Мне этот день не отдал ни минутки,
А сам унес десятки дней моих.

Десятки дней моих навстречу плыли,
В окно стучали,

Ждали,

Звали,

Жгли,

За доброе — добром воздать сулили
И не сулили, — если не могли,
День...

Только день!

Но он один заставил

Меня расстаться с целой цепью дней.

Он разметал их по ветру,

Как стаю

Седых ворон,

Как стаю голубей.

И даже взгляда

Вслед не кинул ей.

Дни — голуби! — Они умчатся, канут...

Но если их
Возьмут мои друзья, —
Все эти дни моими станут,
И косвенно продлится жизнь моя.

Дочь умерла.
Другая появилась.
И мать ей подарила имя той.
Дабы не стерлось,
не остановилось
то имя пред мертвою чертой.

Так
матери
судьба явила милость,
две жизни,
две души соединились
и воплотились бережно
в одной.

1965.

Заране выбрав путь себе,
Еще не проложив и русла,
Речушка с пеной на губе
Бежит по камешкам впритруску.
И, воду пробуя на вкус,
Хочу спросить я недотрогу,
Как так она, пробив Эльбрус,
Одна направилась в дорогу!..
Беглянка потеплела враз:
«Не могут прохлаждаться реки,
Коли морям не жить без нас,
И не кипеть без нас вовеки!»

1965.

Тот день
Мной вычеркнут из дней идущих.
Из жизни выбит он, как на войне.
Его ни в прошлых днях,
Ни в днях грядущих
Не оказалось по моей вине.
Мне предназначенный,
Готов за жизнь бы драться,
Готов был сеять,
и пахать,
и жать.

Как он старался,
чтобы удержаться!
Да я-то не старалась удержать.
Что день один!..
Не конь он, и не грузчик!
Подумаешь — потеря близнеца!
Когда толпе других
За мной идущих,
Не видится ни краю, ни конца!
Пусть для меня взошел:
— Бери! Я — сила!
Пожалуйста!
Пришел я в нужный час!
А я его и в дом не пригласила.

И тут же за порогом он погас...
Лишь позже поняла:
Встал он в рабочей блузе
У подворотни совести моей,
Чтоб с чистой совестью
Да с добрым грузом
Жить вечно
Среди тружеников — дней...
Он мной убит...
И я признаюсь честно,
Коль и другим в ряду не уцелеть,
Их будет жаль...
А, впрочем, неизвестно,
Кого из нас мне надо пожалеть!!

1965.

Пусть на заре
за мною смерть придет
(ведь, говорят,
и смерть бывает мудрой!):
хочу в горах
увидеть синий лед
и акварелью
писаное утро.
Последний миг!
Он все в себя вберет...
Пусть на заре
за мною смерть придет.

1965.

Всегда я в пути
И совсем не боюсь
Ни дорожных тревог,
Ни бессонницы.
Я утром
На жесткой постели проснусь.
И снова
Мой поезд тронется.
Всегда я в пути
И совсем не боюсь,
Того, что в дороге достанется...
Просто не очень я тороплюсь
К самой последней станции.

1963.

Мешаю ли друзьям,
А не врагам, —
Вопрос.
И если некий день настанет,
И всерьез,
В ущерб друзьям решит мои сомненья, —
Хочу, чтоб этот день
Все дни мои унес,
Все дни мои
Со дня рожденья.

1963.

Мы счастье ценим,
Счастье потеряв,
Мы догоняем счастье на распутьи,
Берем за лацкан,
Тащим за рукав,
Но в сердце горечь, а в руках—лоскутья.

1962.

ДЕНЬ И НОЧЬ

Хоть говорят: «Затем уходит день,
Чтоб не вернуться», — я не верю в это,
И чувствую: затем уходит день,
Чтоб новым дням успеть родиться где-то,
То солнечным,
То сумрачным,
Но днем.
То понедельником,
То воскресеньем, —
Но днем.
Кому-то первым, а кому последним,
Каким бы ни было, но только днем...
Так день и ночь — два равных
полукруга—
Раз навсегда условились о том,
Чтоб ночью — ночь,
И день был только днем —
Без хитрых превращений друг во друга.
И чтобы никогда не исчезать,
И чтоб, не выпадая из недели,
Себя до капли
Людям отдавать,
День — для труда,
А ночь — для сновидений.

1962.

Мы встретились после

пятнадцать лет,

А пяти слов

Друг для друга нет.

Ты торопишься,

Я — тороплюсь уйти,

То ли я,

То ли ты

Поостыли в пути.

Перекинулись словом —

По мелочам.

А огонь был свинцовый —

По нашим плечам.

1959.

Да. Ошибалась я.
Но от ошибок
Кто пострадал?
Сама лишь я в ушибах...

1961.

Не хочет день уйти,
Никак не хочет,
То хмурит брови он,
То слезы льет,
То подмигнет кому-то,
Захохочет,
А то меня, вдруг,
Взглядом
Обожжет.

Все злится он,
За то что нынче только
Заметила, как бесконечен он...
Лежу я на больничной
белой койке —
У изголовья колокольный
звон.

Мой врач велел
Мне ни о чем не думать
И берегу я голову свою,
Но сердца стук
Такой же многошумный,
И думаю я сердцем,
И люблю.

1964.

Есть людская глупость,
Есть людская зависть,
Где-то еще бродят
Зло и клевета.
Если они сердца моего касались,
В сердце оставались
Боль и пустота.

Но людей хороших,
Но людей правдивых
Я немало встретила
На своем пути.
Они брали за руку,
К свету выводили.
Мне без них дороги
Этой не найти.
Уходило горе.
Таяли невзгоды.
И теперь не ранить сердце никому.
Для людей хороших
Пронесу сквозь годы
Веру в человека
Вопреки всему.

1959.

◆

Размеренной жизни, как смерти боюсь.
...Встаю по будильнику.
Завтрак готов.
На службу являюсь
И в кресло сажусь...

Дрожа за опрятность
Пиджачных бортов,
Держу авторучку почти на весу.
Вот —
Мне бумажонку на подпись несут,

А вот
Я сама бумажонку несу
На подпись,
(Бумажный почувствовав зуд).

Вот кто-то без страха,
Что я накричу,
Приходит ко мне,
Как приходят к врачу,
А я ему в нос —
Расписание дня.
Затем на собрании сижу и молчу
«Не выступлю! Дудки!
А то и меня...»

Однако закончен
Рабочий мой день.
Вот так и живи,
Никого не задень,
Но знай, что важнейшее дело из дел,
Чтоб только никто и тебя не задел.

Вернулась домой.
Значит — на бок пора.
Уткнулась в подушку
И так до утра,
И снова будильник
Разбудит меня, —
И так до конца,
До последнего дня.

...Нет, нет! Не нужны мне
Ни сон,
Ни покой!
Мне страшно рассчитанной
Жизни такой!
Нет! Я не сижу,
Не лежу,
Не молчу!

Движенья!
Движенья,
Движенья хочу!

Задену кого-то,
Заденут меня, —
И так — до конца,
До последнего дня.

1962.

Жизнь — это ожидание.
Однажды
Проснешься утром —
И чего-то ждешь.
Но день прошел.
Нет!
Не был он хорош,
Не утолил привычной
вечной жажды.

А ты опять,
Опять чего-то ждешь.
Но вот дождался.
Все твои надежды
И все мечты твои сбылись.
И что ж!
Ты снова ждешь...
Вернутся беды,
Виданные прежде,
Заглянут в очи,
Спросят: «Узнаешь!»
Дождался!
Съел! Не оценил удачи!

Чего ты ждешь!
Пора бы жить иначе!..»
...А ты опять,
Опять чего-то ждешь.

1962.

Одна ли я, в кругу ль друзей, подруг,
На улице и дома, днем и ночью, —
Меня ведет какой-то добрый дух,
Я это знаю, вижу я воочью.
Дух времени ведет нас, осень.
Он крылья дал мне. Любит он меня.

1962.

**Не прошу в отчаяньи: «Постой,
Время!»—хоть уходит жизнь моя.
Знаю, тот, кто следует за мной,
Будет совершеннее, чем я.**

1960.

Бывают дни,
Когда как летний ливень,
На сердце хлынет яркий свет,
И кажется,
Что нет меня счастливей,
Что горя в мире не было и нет!
И с радостью безумной, торопливой
Всем людям я бы
Счастье раздала:
Как может быть один
Вполне счастливым,
Когда другой идет дорогой зла!

1959.

Когда б любовь имела облик зримый,
Весь мир бы лег у ног любви моей,
Весь мир бы мог назвать ее любимой,
Но ты один остался б дорог ей.

1962.

Пообещай мне золотой дворец,
Остановлю усмешкой: — Не спеши!
Ни за какой дворец, пойми, глупец,
Я не отдам тепла своей души.

С мольбою на колени упадешь:
— Смягчись! Прибавлю век твоим
годам!—

Молчи! Я ложь не ставлю ни во грош.
Тепла своей души я не отдам.

Решишь похитить. Будешь угрожать.
За это вряд ли стану уважать!
Не уступлю бессмысленным трудам.
Не полюблю и сердца не отдам.

А стоит просто молча подойти,
Свое лишь сердце предложив взамен,
И сможешь сердце верное найти,
Взять, без угроз и клятв, навеки в плен!

1940.

Милый, все это — нам...
Кружат цветы над нами.
Плечи подставь цветам —
Я прикоснусь к ним губами.

Теплые капли дождя
Осыпали белую вишню.
Подставь им ладонь, и я
С ладони твоей их выпью.

Руки подставь вышине
И осени меня ею.
Дай подурачиться мне, —
Я ведь от счастья глупею.

1964.

Не знаю, за что меня можно любить!
Неважной хозяйкой я выгляжу, —
Борща не сумею, как надо, сварить,
Рубашки, как надо, не выглажу.

Не угощу я тебя пирогом,
Горячим, домашней выпечки.
Я очень стараюсь, чтоб дом был как дом,
Да нет ни таланта, ни выучки.

И словно горянка когда-то, я
Ноги тебе не вымою.
Не знаю, зачем только любишь меня
И называешь любимую!

Мой милый, борща навари пожирней,
Пирог испеки послаще мне!
Люблю тебя, что там ни говори,
Люблю тебя по-настоящему...

1964.

Я знаю, как танцуют розы
В свои возвышенные дни,
И как неумолимость прозы
Обходят тщательно они.

Цветы в любви своей отважны!
Вот если б я...
Вот если б ты...
А помнишь, как мы с тобой однажды
Вдруг закружились, как цветы.

Хмельные розы плыли плавно,
И мы вступили в этот вальс.
Но поединок был неравным,
И розы
Победили нас...

1964.

Безбрежную я стала вдруг —
Весь шар земной собой закрыла.
Такая нежная я вдруг —
Весь шар земной я полюбила.
Такая сильная я вдруг —
Весь шар земной я поднимаю.
О, понимаю, понимаю,
Ко мне любовь явилась вдруг —
Моя безбрежность, нежность, сила.

1964.

◆

Люблю тебя и от любви горю.
Да я горю, любя и говорю:
Люблю тебя и за тобой иду —
Пусть вечно мне за то гореть в аду!

1962.

ИЗ ПИСЬМА

Ты сердце забрала мое и мысли,—
И не пойму, что стало вдруг со мной.
То надо мною знойный день нависнет,
То обвивает ветер ледяной.

Я сравнивал тебя с сосною стройной,
Со свежим ветром, что сбегает с гор.
Светла ты, словно солнцем в полдень
знойный

В лугах Хурзука сотканный ковер.

Ты как цветок на солнечном лугу.
Но как тебя я не любить могу!

1959.

Я полагала, что любовь мудрей,
и уж не так горазда на оплошности,
не так быстра на промахи
ведь ей
сто тысяч лет!
Очнуться — все невозможности!

Ей дали бездну времени
на то,
чтоб каплю поумнеть,
так нет же! Дудочки!
С начала сотворенья
никто
не видывал такой набитой дурочки!

1965.

Мне сказали, что я счастливая,
Ну, а может быть, просто—красивая...
Но какая же я красивая?
Раз счастливые — красивые,
Раз красивые — счастливые,
Значит, я не счастливая,
Значит, я не красивая...

1963.

Мы сидели говорили
Ни о чем.
Только сердце нам служило
Толмачом.

Сердце в сердце
Проникало сквозь слова,
Сердце в сердце —
Ты был прав
И я права.

Значит, слово
Остается
Ни при чем,
Было б сердце в разговоре
Толмачом.

1949.

Ты ушел от нее
Ко мне,
Взяв лишь сердце свое
С собой.

Снова солнце висит в окне
На стене своей голубой.
Мне тепло
От его лучей,

Мне с тобой еще теплей.
Ты ни разу не думал
О ней,
Об оставленной,

Не твоей.
Но порою
В тебе нахожу
Я, тоскуя, ее черты.

Я об этом тебе не скажу,
Пусть об этом не знаешь ты.
Был бы бог,
Он бы, видно, помог

Раньше встретиться
Нам с тобой.

**А теперь на пожизненный срок
Мне даны
И любовь и боль.**

1963.

Сегодня плохо пишутся стихи,
Хоть мысли и прозрачны и чисты.
Сегодня плохо пишутся стихи.
Сегодня — ты.
Сегодня только ты.

Ревную я!
И места нет стихам,
Ведь я тебя и слову не отдам.
Настолько—мой, настолько я твоя,
Что и к стихам тебя ревную я.

1962.

Ночью мне снилось: мы были вдвоем.
Только скажи: почему же не днем!

1962.

Спокойно говоришь. Стою!
В глазах ни искры,
Только тишь!
Ты в душу загляни мою —
Лицо и сердце опалишь!

1964.

Не встречаешь, не провожаешь,
Не зовешь меня, и не ждешь,
Не отталкиваешь, не ласкаешь,
И по имени не зовешь.

Это я за тебя встречаю,
Провожая сама себя,
Это я тебя сочиняю
И оплакиваю себя.

1964.

Одна я в комнате.
В жару, —
В глазах круги...
И вдруг — шаги,
Шаги,
Твои шаги!
Твой шаг, —
И словно не было разлук.
И сердце шагу
В такт:
Тук-тук, тук-тук.
И с каждым шагом
Ближе ты ко мне,
Как собственное сердце
В тишине.
Ох, дольше ждать,
Наверное,
Нет сил.
Ты что же долго так
Не приходил?
За шагом шаг,
Еще один,
И вот...
Прошли шаги
Мимо моих ворот,

Прошли шаги —
Мимо моих дверей...
Застрял последний шаг
В груди моей.

1964.

Мне снился сон:
Ты был с другой,
А я одна, как безнадежность.
Меня пугала ваша нежность,
И грусть ее, и голос твой.
Все слышала:
Она шептала,
Что быть вам завтра
Снова врозь...
Лишь одного не услышала —
Как сердце вдруг разорвалось!

1963.

Ждала, считала дни, кляня разлуку злую,
И потеряла счет им я,
И уезжаю в дальние края
Без ласки, без любви, без поцелуя.

1963.

Ни разу почта от тебя мне не доставила ни слова.
Ну что ж. Умеют ждать, любя! А почта завтра будет
снова.

1963.

Я живу, живу, как все поэты,
В подсознание мысли нет о том,
Что я — интересная в беседе —
И — неинтересная лицом...

Есть слова...
Лишь сердце их подскажет —
Ищут их всегда без словаря.
...Подойдет
И тихо-тихо скажет,
Скажет:
— Интересная моя!

Спутников они летают выше,
Где-то между звездами скользя.
Женщина —
Хочу я их услышать,
Те слова,
Что выдумать нельзя.

1965.

◆

Нам все говорят:—Вы хорошие люди! —
Но сами себе — мы суровые судьи.
Хорошие люди! Тогда почему же
Порою нас вихри недобрые кружат!
Случайно заметил ты девичьи косы —
И вот на тебя я смотрю уже косо.
О чем-то вопрос задает мне прохожий —
И ты умолкаешь, ты мрачно встревожен.
Бредем мы уныло, обоим нам больно.
Грустим мы, друг друга обидев невольно.
И оба мы знаем, что любим друг друга,
Что ссоримся зря, и что врозь будет туго.
Но гордость мешает в ошибках

признаться.

Не знает никто, как за это приняться.

Никто не стремится смягчиться,

смириться...

Я первой

в стихах

предлагаю мириться.

1961.

Радуюсь я письмам. Сколько их!
Снова письма от друзей моих.

Каждый раз, тревожась и скорбя,
Больше всех я жду их от тебя.

Накажи меня любой бедой,
Только не молчанием со мной.

1960.

Думаешь, я ослепла любя,
И от ослепшей прячешься!
Я и слепая вижу тебя, —
Зрячесть моя—в незрячести.

Сила твоя — не в силе твоей,
Силой со мной не сладишь ты,
Сила твоя — не в силе твоей,
Сила твоя — в моей слабости.

1962.

Недоверие твое сжигает
Сердце мне до тла.
Но ран моих, никому невидимых, —
Не знает
Даже лучший мой товарищ
Стих.

1959.

Быть может, век мой и не так уж краток.
Быть может, он как раз настолько
длинен,
Чтоб весточки мне от тебя дожждаться!

Быть может, век мой—в самом деле—
краток.
Настолько, чтобы писем не дожждаться
И чтобы понял ты, как был повинен!

1962,

Чем к тебе другие холоднее,
Тем сильнее люблю.
А чем сильнее
Я люблю тебя,
Тем холоднее
Ты к любви моей.

1961.

Я все снесу, любовь храня,
Одна нужна награда:
Пока ты жив, другим меня
Не попрекай! Не надо.

1

1960.

За что не любишь—и не знаю, право,
ведь, кажется, собою не дурна,
ведь кажется, стройна, да и нежна,
ведь кажется, покладистого нрава...

За что не любишь,—я не знаю, право!
А, может быть, за то, что я люблю!
А, может быть, за то, что я страдаю!
Как без тебя на свете жить не знаю!

И все тебе прощаю!
И терплю!
А что если я сделаюсь иною!
А что если во мне — переворот!

И все вышеизложенное мною
перевернется вдруг наоборот!
Полюбишь ли тогда!
Пойдешь ли тоже
наоборот себе!

Или... — [о боже! —
ведь и такой возможен оборот!]
«Наоборот» поймешь... наоборот!

1965.

Я замужняя —
Незамужняя,
Вдова соломенная,
Одна.

Я любимая —
Нелюбимая,
Но законная
Твоя жена.

Но не законная,
Не нареченная,
Есть где-то женщина —
Она, —
И любимая,
И замужняя,
И законная
Твоя жена.

А за мною
Легко ведь прятаться, —
Вот женатый я,
Вот регистрация,
Вот законная
Моя жена.

1962.

Засохли,
Завяли,
Пропали цветы.
Зачем для меня
Их не пестовал ты!
Зачем и меня,
Как себя не берег!
Зачем торопил
Увядатья срок!
Засохло,
Завяло
Соццветье любви.
Ты очень доволен!
Скажи, не тай!
Но я не завяну.
Я рада весне,
Хоть эта весна
Не тебе
И не мне.
Нет! Я не завяну.
Я рада весне.
Ты видишь, как много
Цветов расцвело!!
Но эти цветы
Не тебе

И не мне,
Нет! Я не завяну.
Я рада весне.
Ты видишь как много
Цветов расцвело!
Но эти цветы не тебе
И не мне,
А просто —
Людское их греет тепло.

1962.

◆

В саду больницы,
Той,
Чужой,
Я оплакивала
Нас
С тобой.
Мы рядом,
Мы рядом сидели, казалось,
Но ты удалялся,
А я оставалась.
А я оставалась,
А я устремлялась
С бессильной мольбою
Вослед за тобою.
В саду больницы
Той,
Чужой,
Я оплакивала
Нас
С тобой.
Ничто не поможет:
Ни гордость,
Ни жалость,
Чтоб ты не ушел,
Чтобы я не осталась.

В саду больницы
Той,
Чужой,
Мы были вместе —
Я с тобой.
Остался ты,
А я ушла,
В саду больницы
Пуста скамья.
Остался ты,
А я ушла,
Но ты ушедший,
А не я.

1963.

Боль с безбольем.
Пустота во мне.
Чем заполнить?
Ты один — лекарство.
Боль с безбольем.
Это ты во мне,
Друг мой,
Враг мой, —
Ледяное царство.

1962.

Ушел навсегда ты.
Не день мне, а мгла.
Глаза мои! Чувства!
Не вертье!
Лишь смерть, только смерть разлучить
нас могла...

Случилось —
Страшнее смерти.

1964.

Сердце мое пламенеет любовью к тебе.
И другой не отыщет дороги к нему.
Губы мои
След твоих берегут на себе
Не позволят коснуться себя никому.

1963.

Уходишь ты один в сиянье дня,
И я раздумья своего не скрою:
Хочу, чтоб ты был счастлив без меня,
Но разве будешь счастлив ты с другою!

1956.

Все ушло, как будто не бывало,
да и нас как не было с тобой.
Лишь одно, одно не миновало:
беглый миг, ты машешь мне рукой...

Чем так дорог этот миг,
который
был так легок!
Взмах, да полкивка...

Не была и в близости опорой
машущая мне издали рука.

1965.

Нам один полумесяц
Светит.
Только что ему — ты и я!!
Нас на разных широтах
Вертит
Безразличная к нам Земля.

1965.

Никогда моя рана
Не станет шрамом.
Я завидую всем,
У кого есть мама.
Мама!
Тебя я
Не огорчала б, —
Никогда б от меня
Ты не слышала жалоб,
Никогда уже я
Не была бы упрямой.
О как бы тебя
Берегла я,
Мама!
Ты самой счастливой
Была бы,
Самой!..
Я все понимаю —
Сама я мама...

1962.

РАЗЛУКА

Сын мой, душа моя, свет моей жизни!
Мы расставались. Я прятала взгляд.
Сердце, казалось, осколками брызнет,
Грудь разорвет, как бризантный снаряд.

Руку подать — я бы грянулась оземь,
Встретить твой взгляд—мне б уже не
уйти.

Мы расставались. Страданья и слезы,
Скрыв от тебя, унесла я в груди.

Я, как беглянка, помчалась к вокзалу.
Поезд... Толпа... «Поскорей бы звонок!»
Сердце разлуку тебе подсказало —
Ты, словно ветер, примчался, сынок.

И, сквозь толпу пробиваясь упрямо,
Ты торопился, глазами ища...
Словно во сне, я услышала: — Мама!
Словно в бреду, прошептала: — Прощай!

Поезд рванул. И колеса по стыкам
Бились, как пульс мой, натужно звеня.
«Мама!»—казалось, весь мир этим криком
Рухнул всей тяжестью вдруг на меня!..

1961.

СЫНУ

Вот эту ручку подарил мне ты.
Мне помнится день нашего
прощанья...

На бледные бумажные листы
Ложатся строки горького
признанья.

Твоим пером пишу. Наш разговор
Был незакончен. Памятны навеки
Твоя печаль и твой немой укор
В глазах. А речь идет о человеке...
Ты молод. Ты не ведаешь того,
Как сердце разрывается на части,
Нет, вовсе не от радости
и счастья—

Наверно, я не сберегла его.
Так пусть стучит,
как хочется ему—

Мне б только дописать
стихотворенье!

А между прочим, к этому письму
В стихах, оно имеет отношенье.
Подумай, где б его я сберегла!
Спокойной жизни выпало
мне мало

Да, я жила. Жила, не как могла,

Как век велел. Как сердце
заставляло!
Теперь продолжим, сын мой,
разговор.
И ты отчасти выстрадал со мною
Чужие степи вместо милых гор,
Пстом войну. Война всему виною.
Виной тому, что унесла отца,
Которому обязан ты рождением,
Тому, что наши, женские сердца
С двойным—за павших—
бились напряженьем.
Друг друга понимая с полуслова,
Я разгадала твой немой упрек:
Тебе так непривычно
звать другого
Отцом.
И, вероятно, невдомек,
Как больно мне... Но ты пойми,
родной,
Что сердце разрывается на части,
На части — не от радости
и счастья,—
Оно смертельно ранено войной.

1965.

Ты спросил: «Отчего в волосах седина!»
Я сказала: «Нам старость ее посылает».
Ты сказал: «Нет, и я, а не старость одна.
Знай, что это отныне твой сын понимает».

1958.

Детишки под окном...
Арсена вспоминаю
В Черкесске, во дворе
И он с детьми, я знаю.
Но мальчики уходят по домам —
Торопятся мальчишки к матерям.
А мой Арсен задумался, стоит
И обо мне ни с кем не говорит...

1963.

Сынишке снится, что дорогой длинной
Ведет корабль он звездный, голубой.
Он днем лепил его из пластилина
И собирался маму взять с собой.

Сынишка спит. Он стал во сне румяней.
Улыбка на губах дрожит едва.
Из-под ресниц — как будто чистый, ранний
Рассвет в горах — струится синева.

Сынишка спит. Я к сну его ревную.
К его постели тихо подхожу.
Стою, смотрю на эту жизнь родную.
Не прикоснусь, боюсь, что разбужу.

Сынишка спит. А я уснуть не в силах.
Приходят мысли и лишают сил:
— А вдруг война!—И я смотрю на сына.—
Пожар, и кровь, и пепел... О, мой сын!

Но спит мой сын. Корабль из пластилина
Возле кровати на столе стоит.
А тот, другой,—над сном счастливым сына,
Над миром, возвещая мир, — летит.

1962.

ЛЕКАРСТВО СЫНА

Пусть раздвинет ветер тучи,
Луч весенний упадет...
Я больна — мне станет лучше,
Если солнышко взойдет.

Сын сегодня не смеется,
Озабочен, деловит:
«Поищу для мамы солнце», —
Убегая, говорит.

День становится погожим,
Льются яркие лучи.
Сын кричит мне из прихожей,
Весь сияющий, кричит:

«Мама! Мама! Вот и — солнце!
Я привел его к тебе». —
Заразительно смеется,
Вот он — луч в моей судьбе.

И умыто вешней синью,
Про мою узнав беду,
Отвечало солнце сыну:
«Ради матери иду!»

1958.

И двух шагов мой маленький не сделал,
Двух слов и то промолвить не успел он,
Ничем котенка не успел обидеть...

...Не зная, что такое «ненавидеть»,
На белый свет чуть глянул из-за двери —
И злым и добрым — сразу всем поверил,
От всей земли потребовал улыбки.

...Неуж-то снова могут быть ошибки!
Неужто мир его улыбку встретит
И малышу улыбкой не ответит!

1962.

СЫНУ

Пятнадцать раз — день твоего
рождения.

Но если в сотый встречу я его —
О, все равно! Он будет без сомненья,
Как первый день рождения твоего.

И если этот день однажды с болью
Ты встретишь без меня среди друзей,
Знай, — я с тобой,
Я как всегда с тобою —
И слез невидимых не лей.

1957.

В кино пришлось идти одной.
И чуть помедлив, я спросила сына:
— Не побоюсь ли возвращаться я домой?
Наверно, поздно кончится картина...

«Не побоишься!» — Бросил он вослед...
Я из кино печально возвращалась, —
Я не боялась темноты, о, нет!
Я слов «не побоишься» испугалась.

1965.

На край кровати сына прилегла.
«Тебе не жестко!»—шепчет мальчик мне.
Не знает он, что юность провела я
В шинели, на досчатом топчане.

1953.

◆

Я тебя одного в тот буран отпустила.
Спohватилась: «Зачем я сказала—«иди!»
И сейчас же от страха себя защитила:
«Пусть идет. Пусть идет! Все еще
впереди!»

Впереди неизбежные будут бураны,
Значит, смолоду надо себя закалять,
Чтоб все бури тебя не смогли бы свалить,
Чтоб пришел ты в ликующий мир
осиянный!

1959.

Песни времени — это
Сердце поэта.
Ну, а сердце поэта —
Фильтр времени это.

1960.

Смогу ли я без ветерка с Эльбруса!
Скажи.

Не наклонившись над ручьем, напьюсь ли я!
Скажи.

А как не пить мне воздух наш, как воду!
Скажи.
Смогу ль все это не поведать людям!
Скажи.

1960.

**Мне без труда бесплатное не надо.
Мне даровое в жизни ни к чему.
Мне чье-то счастье — лучшая награда.
Все, что имею, я отдам ему.**

1961.

Я всегда от стихов пьяна.
От каких же таких стихов!
От твоих стихов — не пьяна;
Ты страдаешь избытком слов.
От своих стихов не пьяна:
Мне всегда не хватает слов.
Не от чьих стихов не пьяна;
Вообще — пьяна от стихов.

1962.

Лейся, песня, лейся!
Все во мне поет.
Лейся, плачь и смейся!
Все во мне поет.

Всю планету мне бы
Музыкой обнять!
А из песен небо
Новое создать!

Ох как много песен!
Я схожу с ума!
Может, я из песен
Состою сама!

Лейся, песня, лейся!
Дома не сиди!
Вкруг земли обвейся,
В каждый дом войди.

1962.

О вдохновенье!
Кто тебя поймет!
Упрешься — так и трактор не берет, —
И вдруг — само же — как джигит орла
Хватает на лету за край крыла, —
За сердце схватишь.

Кто тебя поймет!

Я думала, что в поезде метро
Укрыться от тебя не так хитро,
Но ты и тут врываешься ко мне
В вагон — на непонятном скакуне, —
И не боишься, — хоть кругом народ,
И не таишься...

Кто тебя поймет!

Дождем рассыпав надо мной слова,
То вспыхнуть повелишь,
То побледнеть...
Весь мир преобразается, —

Едва

Над головой твоя заплещет плеть.
Ты подхлестнешь таинственно — и вот
Все сдвинулось...

О! Кто тебя поймет!..

Захлебываясь,
Весело спеша,
Задумываясь,
Медля,
Не дыша,
То радуясь, то жалуясь, то злясь, —
Сложила я, — за поручни держась,
И людям загораживая вход, —
Четыре песни...

Кто тебя поймет!

О вдохновенье!

Кто тебя поймет!

1963.

Два сына.
Перед ними я в долгу.
Я понимаю Золушек и мачех!
Минуты для стихов я берегу.
А у других бывает все иначе.

Поэзия в доме моем вершит
Вопросы неустроенного быта —
Сын с утюгом управиться спешит,
А пуговица где-то не пришита...

Хочу отдать я детям выходной —
Мы с вечера мечтаем о Кубани,
А наступает тихий час ночной,
Беру перо...

Не встать уж утром ранним!

Я подняла хороших сыновей,
Довольна ими чаще, чем собою:
Поэзии я отдавала больше,
О, где цена бессонницы моей!

Жестокая и трудная любовь,
И не изменишь —
возвратишься вновь.

Когда б всерьез

Друзья меня спросили:

— Что думаешь о жизни, ты — поэт! —

Ответила б в традиционном стиле:

— Заря светла, как солнца яркий свет!

...Пускай слезами полила я землю

Мне самую родную из планет,

В цветах, в слезах и в радуге приемля

Я в жизни жизнь люблю — вот мой

ответ.

1963.

Судьба поэта — вся в его стихах:
Рассеяна, рассыпана, как просо,
Ну, а с моей судьбой—не так-то просто,
С моей судьбой — просто все не так.

Не теплым просом, а холодным градом,
Не подождав, когда о ней спою,
Не на тетрадь просыпалось, не рядом,
А прямиком — на голову мою.

Уста замкнула, руки мне связала,
Не в песне, а в молчаньи воплотясь,
Чтобы ни слова муза не сказала,
Чтоб запропала муза, не родясь.

Жизнь!
Пой — теперь!
Теперь, когда уносит
Твою грозу,
Когда слова — тихи...
Но сильная гроза стихов не просит,
А стихшая — не просится в стихи.

1965.

«Поэт всегда с людьми!». Допустим.

Ладно.

Но этот рифмоплет необъясним:

«Я с вами, люди!»—он кричит надсадно,

Не ведая, что люди-то не с ним,

1961.

Упорно лезут в голову стихи
И деликатно сон уходит прочь.
Мои стихи, как тяжкие грехи:
Я знаю, не засну и в эту ночь.

1962.

Так хочу я писать,
Как никто не писал до меня.
Так хочу я писать,
Чтобы строчка и грела и жгла —
Не болтать языком,
А кричать языком огня,
Я хочу,
Грея доброе,
Злое сжигая до тла.

Так хочу я любить,
Как никто не любил до меня.
Так хочу я любить,
Чтоб сердец не коснулась беда.
Чтоб разлуки со мной не единого дня
Ты не смог бы снести никогда.

1961.

Я чья-то возможность
В любви объясниться
Я — мост
Меж двумя берегами сердец,
Я, может, несозданной книги
Страница.
Я чей-то конец,
Я чье-то паренье.
И чье-то паденье.
И чей-то костер.
И в костре головня.
Я мира огромного отраженье.
А мир, не гордясь,
Отражает меня.
Ровестница всем я —
От первого крика
До смертной доски.
Пью жизнь.
Никогда не напиться мне вдосталь.
А дни коротки,
Коротки, как глотки,
Вот я молодая,
А буду седая,

И менее зоркими
Станут зрачки.
Но людям
Ровестница буду всегда я
От первого крика
До смертной доски.

1963.

Черновиков

Не довожу до черного
Мараньем преднамеренным,
Не ставлю

На них крестов кокетливых.
Ученому

Я их для изучения
Не оставляю.

Пусть потомки скажут:
«Не работала».

Пусть изучат более глубоко
Того, кто кляксу,
Вскармливал заботливо,
Хранил пометку
Как зеницу ока.

Черновики мои,
Черновики мои!

— Не строки тут зачеркнуты
А сроки,

И стопы тут не стопы,
А шаги мои;

Страницы не страницы.
А дороги —
Исхоженные,

Изборожденные —
Не перьями,
А сердца острой болью...

Какие же,
Ответь! —
Пойдут ученые
По бороздам прорезанным тобою!!
По этим спутанным,
Грозой пронизанным
Черновикам —
Неведомым, незримым, —
По вновь зачеркнутым
И вновь написанным
Пулям,
Годам,
Неделям,
Веснам,
Зимам...

1963.

◆

Поэты поэтов
Немного живут.
Поэты поэтов,
Как могут живут.
С собою они
Ничего не берут —
любовь и тепло,
сколько есть, отдают.
Поэты поэтов
немного живут, —
рано уходят,
а вечность их ждут.

1964.

МОИМ СТИХАМ

Обычай горский наш неплохо б знать и вам!
...И друг на друга вы не наступали б,
Друг другу бы дорогу уступали,
И как сверчки, ночами б не трещали,
Ведь из-за вас не сплю я по ночам,
Ведь я от вас трещу уже по швам.

1964.

Мой карандаш...
Простой, обыкновенный,
Ты честный труженик.
Ты создавал слова,
Себя растрачивая
В каждом слове.
Ты создавал стихи,
Послушный мне,
И превратился
В маленький обрубок,
Но собственного слова
Не сказал.
Жаль...

1963.

Картошку разрезаю на кружки,
А лук в руках рассыпался на кольца,
А в мыслях — нерожденные стихи,
Похожие на шепот богомольца.

Как женщина,
Я покидаю дом:
Как мало в кухне солнца для поэта!!
Гремит прибой о белый волнолом,
Где простыни в саду летят по ветру.

Душа коснулась молодых орбит,
И Эльбрус для меня сверкает...
И в это время... молоко бежит
И лук неумолимо подгорает.

Отчего не устаю! Не знаю.
Но не устаю.
Оттого ль, что в молодость свою
Я без немоты была немая,
И теперь,
Когда заговорила,
Все хочу сказать,
Чтобы больше никакая сила
Жизнь мою не повернула вспять,
Чтобы ни одна тропа земная
Не была глухой,
Чтобы кто-то,
В чем-то замыкаясь,
Помыкать никем не смел,
Как мной.

1964.

♦

Вот и допелась моя
песня. И полно писать:
все, что хотела сказать,
кто-то сказал до меня.

Да, но ведь я — только я, —
твердо, бесспорно, совсем...
Значит — и песня моя
неповторима никем.

Как же смогу не писать,
тайные зная слова!
Только сама их сказать
вызовусь!
Только сама!

1965.

Уйду, минуя истинную зрелость,
Не разгадав премудрости земной.
Но если бы я знала, что с ней делать.
То что бы делать было ей со мной!

1965.

Что со мной!! Я снова жду ответа
На вопросы. Вновь тревогу бью...
То ли многого я жду от века,
То ли мало веку отдаю!

1960.

8

О небе ли пишу,
О вешней ветке,
О птицах ли,
О розах горных сел,
И даже коль забрел в стихи
Осел,
Они всегда,
Всегда о человеке!

1964.

Он силится в историю пролезть!
Подделав ключ, войти в ее ворота,
Найти местечко, чтоб помягче сесть,—
Вот как сейчас — такое же, охота!

Ну что ж! — он стремится и войдет.
История тут не пренебрегает,
История любого принимает,
Но вот места сама определяет.
И лавры по заслугам раздает.

1962.

Десятый раз идет собрание,
И сто десятый — заседание,
Но выбирается в президиум
Один и тот же индивидуум.

Не может этот индивидуум
Забыть, что в мире есть президиум.
И размышляет индивидуум:
«Исчезнет без меня президиум».

1962.

За окошком вагонным пляшет
Ширь полей и деревьев сень...
Ребятишки вдогонку машут
Поездам, пассажирам... всем.

Даже тем поездам бесследным,
Что проносят какую-то тень,
Даже тем пассажирам бледным,
Что бегут от своих детей.

1962.

Закрыто горлышко бутылки
пробкой.

А там — вино
созрело уж давно
и просится наружу робко.

Но пробке
знать об этом не дано.

Да и откуда может знать она
Брожение, стремление вина!
Ведь пробка — это пробка.

1964.

Не дочитает и полкниги,
А судит с прытью мудреца.
В начале речи — он великий,
Но нет начала без конца...

1964.

Тот — Этого хвалит, а Этот — Того,
а Третий — обоих, а эти — Его,
И снова сначала,
потом — с конца,
и вновь—без начала
и без конца.
Тот — Этого славит, а Этот — Того,
а в общем итоге — никто никого.

1965.

Работу!..
Поручить ему!..
Ну что вы!
Он ведь в комитетах!
Он снова заседает где-то,
Ему работа ни к чему.
Не для него работа
В мире суетном и бренном:
Он в сотне комитетов —
Членом.

1964.

Бабка в палисаднике
Семечки грызет,
Бабка про вселенную
Разговор ведет.

В город собирается,
Билет приобрела,
Поезд дожидается,
А у нее — дела.

Бабке: «Поезд тронулся!»,
Простучал — и нет.
— «Никуда не денется:
У меня билет!»

1963.

«Все гости на земле!» —
Твердит коран.
Твердит
Низинам,
Рекам
И морям.
— «Хозяином не будешь на земле,
Хозяин ты —
В потусторонней мгле».
Молла коран усвоил на зубок.
Долдонит людям
Про короткий срок.
И он — в гостях,
Но из гостей — ей-ей.
Сам не спешит уйти скорей...

1962.

Болела бабушка.
Молла поклоны бил,
молитвы возносил
да не помог ни чем.
Тогда
то ли с вопросом,
то ли с упреком
вдруг обратилась бабушка к молле:
— Прости меня, забыла я совсем,
как величать тебя, посланец бога!—
ведь вас так много
ходит по земле!
Я только знаю,
что простой бы горец
уж как-то постарался б и помог,
как ты, не оставлял бы меня в горе!
Так где же бог!!

1964.

Иду напевая, иду налегке...
Светло от берез и осин...
Земля, как танцор на одной ноге,
Кружит на своей оси.

На пятки векам наступает год.
Мнится: еще только шаг
И люди, сплетутся в один хоровод,
Земной опоясав шар.

Я трогаю небо, кричу земле:
Скажи, тебе сколько лет?
Смеется, смеется Земля в ответ —
Ответ у нее готов.
Смеется Земля:
Восемнадцать, лет!
Без двадцати веков!

1961.

Он дома — лев, а выйдет вон —
И, захирев, немеет он...

1963.

ПОЭМА О СЕСТРЕ

Я о сердечной боли, люди!
На свете есть такая боль.
Ее и ветер не остудит,
И горечь слез не смоем соль.

**Я о такой,
Где все бессильно:
И порошки,
И трав настой,
Где грубой, серой парусиной
Закрыт рисунок золотой.
Где не испить глотка из чаши,
Где горек ароматный плод,
Где светлый день,
 как ночь, тягчайший,
Как в омут ринувшийся плот.
О, эта боль
Живет негласно.
Ее не встретишь у двора.
Но боль тревожит ежечасно,
Годам летучим неподвластна,
И словно в первый день остра.**

А дни бегут,
 Меня вручая
 Таким же быстротечным дням.
 Живу,
 Хожу,
 За чашкой чая
 Улыбки добрые встречаю,
 Спешу к мерцающим огням.
 Хозяйкой в новый день шагну я.
 Мне бы упрятать боль опять.
 Но как забыть тебя, родную!
 Сестра моя!
 Ведь наша мать
 Обоих нас
 в себе носила,
 И пеленала, и кормила,
 И нежным песням научила,
 И гордость пестовала в нас.
 О, сердце!
 Дай мне снова силы,
 Чтобы вошел твой образ милый
 В мой поэтический рассказ...
 Сестра моя!
 Заря дымитя
 Зеленоглаза и нежна,

Прохладою напоена,
Умает свежим ветром лица,
Заполыхает, разгорится.
И поредет тишина.

Трубит побудку ветер ранний,
Сверкает солнце на трубе.
А я несу свои желанья
На наше трудное свиданье,
Сестра,

В поэму о тебе.
Окликну день.
Он чист и светел,
Он тоже мог бы стать твоим.

Я жду, чтоб кто-нибудь ответил —
Хотя бы эхо на рассвете!
Не мне одной,
А нам двоим.

Твой час...
Твой день...
Твой год...
Сестра!
Не ты ль, припав к щеке моей,
Смеялась утром знонко-звонко
В весенней радости своей.

Дарила щедро и беспечно
Улыбку,

песню

и тепло.

Ах, юность, юность!

Ей, конечно,

И невдомек,

что жизнь не вечна,

Что существует в мире зло.

Обняв меня рукою тонкой,

Делилась искренне со мной

Наивной тайною девчонка,

Моя душа,

Моя сестренка,

Мой колокольчик озорной.

И говорила:

— Пусть на убыль

Идут твои года,

Тогда

Я дам свои глаза и губы

И кровь, и сердце.

Все, что люблю.

И не умрешь ты никогда!..

Твой голос душу приголубил,

Сгоревшая в ночи звезда!

Нет, жизнь моя не удлинилась,
Она не приняла дары.
А может, это лишь приснилось:
Родник речей,
И смех сестры!
И не ее тугие косы
Я заплетала поутру!
И вместо слез светились росы,
И высыхали на ветру!
А может, не было ладони
И ягод радужных на ней!
Лишь день за днем

спешил в погоню

За вереницей дальных дней.
А может быть, томима жаждой,
От одиночества уйдя,
Придумала сама однажды
Я это юное дитя!
И только мрачный миф окутал
Простой веселый,

голубой...

Постой, постой,
А боль откуда!
Живая,

трепетная боль!

Ах, какие вы, буквы и строчки!
 Мне поэму писать,
 Мне нельзя спотыкаться о точки,
 Мне нельзя
 Говорить с вопросительным
 Знаком,
 Не аптекарь,
 Не доктор,
 Не знахарь
 Этот маленький знак.
 Он — смятение.
 Он — сплетение
 И снов,
 И видений.

В нем — неожиданно
 Возникшие тени,
 Возмущенье и гнез.
 И ответить попытка.
 И молчания,
 Просто молчания
 Пытка.

В букве каждой —
 Дыхания всплески.
 То угаснут,

То снова поднимутся резко.
И напрасно
К затишному месту
тянутся.

И слагают слова,
И равняются в строки.
Только это не строки,
А горя потоки,
Из непролитых слез,
Из печального креста.

Шашкою острой,
Обелиском до звезд
Исполинского роста!
Нет, не просто
Писать
О загубленных сестрах...

Мысли бродят всю ночь,
Не уснут горемыки.
Мыслям больно в тисках
Онемевшего крика.

Мне поэму решать,
Мне выравнивать строки,
Мне и жить,
И дышать,
И отгадывать сроки.

Ткать свое полотно,
Словно я из ткачих.
И дано мне отныне,
Дано
И любить,
И страдать
за двоих.

*

Не была ты Золушкой,
Не росла забытой,
Выглядела солнышком,
Золотым, умытым.

Тучки в небе пестрые —
Стороною дальней.

Пела вместе с сестрами
Голоском хрустальным,
Колоском тянулась
Прямо в небо синее.
Девушки в аулах
Не было красивее.

На весну похожая,
Как цветок, прелестна.
Не было пригожее
На сто верст невесты.

Пробивались тропки
К дому, меж кустами,
Протоптались тропки
Многими сватами...
И подарки знатные,
И вино шипучее.
Только шли обратно
Гости невезучие.

Кони дробно цокают.
Серп луны на блюде.
Ночь в горах высокая,
Ночь обиду студит.
Что ж, не хочет девушка!
Кто ее осудит!
Жемчуг,

А не девушка!
Чьей женою будет!!

Не нужны сваты ей,
Ни к чему подарки ей.
Есть слова простые,
Словно пламя жаркие.

Есть крутые тропки,
Радость ожидания,
Тайное и робкое
Первое свидание.

Тропки соловьиные,
Ветки тополиные.
Крохотные почки,
Клейкие листочки.
Цветом запорошено
Голубое детство,

От любви непрошенной
Никуда не деться.
Высоко подброшено
Бьется,
Бьется
Сердце...
Собирались гости —
Родичи,

Знакомые,
Поднимали тосты,
Радостью влекомые.
Два крыла у птицы
Гордые, отважные.
Девичьи ресницы
Длинные и влажные.
У невесты очи —
Два волшебных клада,
В них —
 созвездья ночи
и зари прохлады.

Два дневных светила,
Два костра вечерних,
Материнства сила
И любви свечение.

*

Ты стала матерью потом
И счастлив был твой ладный дом.
Когда ж случилось это
Вдруг:
Отец иной,
И муж иной!
Когда ж ударил в сердце стук
Щеколды сброшенной, дверной!

Ты не поверила глазам.
Но где-то вдалеке
Рождалась первая слеза,
Катилась по щеке.

Как будто кто-то подменил
И мужа и отца.
Глаза его черней чернил
И бледен цвет лица,
И рукава пальто в грязи,
Разорвана пола.
Спроси его!
С него спроси!
Но ты застыла у стола.

А хмель качался и хрипел,
А хмель стонал и свирепел,
И злых углов не округля,
Летела под ноги земля.
Любимый был —
И нет его.
Чужой ворвался в дом.
Ему не жалко ничего,
Что добыто трудом.
Ему, такому,
Наплевать
На крик детей,

На стон жены.
Пугливо вздрогнула кровать,
Прижавшись у стены.

И перегар,
Как будто плоть,
Ожег лицо любви.
Ах, может, первый раз
Стерпеть,
Унять тоску в крови!..

Но первый раз
Лишь первым был,
Он только начал счет.
Он словно брешь в душе пробил,
И кровь течет,
Течет...

Манили винные пары
На тысячах дорог.

Так черный день моей сестры
Перешагнул порог
И поселился в доме том,
Где жили свет и смех.

И косы темные потом
Осыпал белый снег.
Всех просьб ее
Не сосчитать,
Не за себя, —
Ребят.

Он лгал,
Он клялся,
И опять —
Пьян
С головы до пят.

За полглотка он продавал
Себя и честь свою.
А кто-то шляпу подавал,
А кто-то щедро поливал,
Честил его семью.

А что семья, мол,
Что, мол, дом!
Жене не потакай!
Уйдет она!
Пускай, пускай!
Других, мол, жен найдем!
Одна лишь подпись
Да печать —

И ты и сыт и пьян.
«Друзья сумеют промолчать.
Налей еще друзьям!»

Налей, налей!
В стакан,
В бокал,
В кружку,
И в ведро.
Он наливал,
Он сам лакал.
Он пропивал добро.

Ушла из дома доброта,
И детское добро.
Вплеталась в полдень
Темнота,
Швыряла на ребро,
Ломала ласковый уют,
Крушила добрый мир.
Но протрезвившись
Лишь на миг,
Он шел туда, где пьют.
Была причина:
Ты больна
И таешь с каждым днем.
— Жена больная не нужна,
Давай еще кутнем!

Он слезы «с горя» проливал,
Что стала ты стара.
Он выпивал,
Он пропивал
Тебя,
Моя сестра.

А день, как год,
А ночь, как пять!
И молодости нет.
О, если бы к тебе опять
Вернулся твой рассвет!
И звон ручья,
и крыльев взмах—
Ведь были ж два крыла!
И ты сама,
И ты сама
Любви их отдала.
А он любил ли!..

Словно воск,
Растаяла мечта.
Желанья вкривь,
И словно вкось,
И в сердце пустота.
Он не любил.

Но кто мог дать
Ему на то права —
Заставить женщину страдать,
Жизнь у подруги отнимать!

Ведь ты была жива!
Ловила в теплую ладонь
Дождинок серебро...
Немее горестно перо,
От гнева плавится перо,
И сердце жжет огонь.

Я гнев оставляю,
Пусть горит,
Я скорбь уберегу.
Но я заставляю
Говорить
И горы,
И тайгу,
И каждый камень,
И цветок
В садах и на лугу,
К равнине мчащийся поток
Остановить смогу.
Я все отдам тревоге строк.
Нет, я не смолкну,
Я в долгу.
В долгу навечно перед тобой,

Но кто мог дать
Ему на то права —
Заставить женщину страдать,
Жизнь у подруги отнимать!

Ведь ты была жива!
Ловила в теплую ладонь
Дождинок серебро...
Немее горестно перо,
От гнева плавится перо,
И сердце жжет огонь.

Я гнев оставляю,
Пусть горит,
Я скорбь уберегу.
Но я заставлю
Говорить
И горы,
И тайгу,
И каждый камень,
И цветок
В садах и на лугу,
К равнине мчащийся поток
Остановить смогу.
Я все отдам тревоге строк.
Нет, я не смолкну,
Я в долгу.
В долгу навечно перед тобой,

Поруганной сестрой,
В долгу пред женщиной любой,
Подругой и сестрой.
В долгу пред тою, что ушла
Безвременно от нас.

Виновник горести и зла
Пусть не отводит глаз!

Жизнь прожигая,
Будет он
Всей правдой жизни
Заклеймен.

Нет, он не спрячется, как крот, —
Суров мой приговор.
Я и судья и прокурор.
Встань, подсудимый!
Суд идет!

Нет, он почти не человек,
Он тлен,
Он тень,
Он тот,
Которого двадцатый век
Сметает...
Суд идет!

1964.

Protein

11

рассвет.

Что он принес, не спрашивай меня.
Рассвет — награда. Он — начало дня.

1

проснись.

Сверкающей слезою пролились
На грудь земную с розы величавой.
Ручья журчание, густой

пчелиный звон.

Все слаженней, все громче
птичьи хоры.

Плечами раздвигая горизонт,
Заслушались мелодиями горы.
Мой друг, сейчас уйдет рассвет.

Гляди!

Ему в дороге не страшны препоны.
Прохладный сумрак ночи впереди
Сорвет он, как джигит с коня попону.

Шутя, играя солнечной лавиной,
Рассвет пришел к нам с песней

соловьиной.

II.

Рассвет пришел к нам с песней
соловьиной.

Вставай, мой друг, приветствуй
этот миг.

И облако, и шепот тополиный.
И весь возникший сразу ясный мир.

А если жаждой утренней влекомый,
Ты припадешь губами к роднику,
Оценишь тот напиток незнакомый,
Какого ты не купишь навеку.
Рассвет спешит. Желанен он повсюду.
Привет от нас он передаст другим.
Пока живу, его встречать я буду,
И не устану петь заздравный гимн.

Рассвет в ущелье радугой повис,
Хоть торопился он окрасить высь.

III.

Хоть торопился он окрасить высь.
В низины отдал первую улыбку.
Лучи сверкая, в косы заплелись
И озарили стан горянки гибкий.
Затрепетали ветры вдалеке.
Потом застыли, словно оробели,
И к материнской бережной руке
Ребенок потянулся с колыбели.
Зарделась, как невеста, алыча,
В соцветье каждом—нежность
и доверье.

Сверкающей слезою пролились
На грудь земную с розы величавой.
Ручья журчание, густой

пчелиный звон.

Все слаженней, все громче

птичьи хоры.

Плечами раздвигая горизонт,
Заслушались мелодиями горы.
Мой друг, сейчас уйдет рассвет.

Гляди!

Ему в дороге не страшны препоны.
Прохладный сумрак ночи впереди
Сорвет он, как джигит с коня попону.

Шутя, играя солнечной лавиной,
Рассвет пришел к нам с песней

соловьиной.

II.

Рассвет пришел к нам с песней

соловьиной.

Вставай, мой друг, приветствуй

этот миг.

И облако, и шепот тополиный.

И весь возникший сразу ясный мир.

А если жаждой утренней влекомый,
Ты припадешь губами к роднику,
Оценишь тот напиток незнакомый,
Какого ты не купишь навеку.
Рассвет спешит. Желанен он повсюду.
Привет от нас он передаст другим.
Пока живу, его встречать я буду,
И не устану петь заздравный гимн.

Рассвет в ущелье радугой повис,
Хоть торопился он окрасить высь.

III.

Хоть торопился он окрасить высь.
В низины отдал первую улыбку.
Лучи сверкая, в косы заплелись
И озарили стан горянки гибкий.
Затрепетали ветры вдалеке.
Потом застыли, словно оробели,
И к материнской бережной руке
Ребенок потянулся с колыбели.
Зарделась, как невеста, алыча,
В соцветье каждом—нежность
и доверье.

Навстречу солнцу в этот тихий час
Распахивает горец шире двери.

Из края в край, идя дорогой длинной,
Клинок зари задел сперва долину,

IV.

Клинок зари задел сперва долину,
И все живое щедростью поя,
Из фарфоровой чаши исполина
Малиновая брызнула струя.
Чабан с отарой медленно и важно
Прошествовал к реке на водопой.
— Орира-рира! — Воздух свежий,

влажный

Звенит его напевом над тропой.
Чабан доволен: все ягнята скоро,
Копытцами о камни топоча,
Кудрявым облаком летят по косогору,
— Орира-рира! — Можно ли

молчать!

И вторит небо эхом не спеша,
Держа в ладонях синих жаркий шар.

V.

Держа в ладонях синих жаркий шар,
Все выше, выше небо пламенеет.
Поет чабан, поет моя душа.
И голос все свободнее, сильнее,
Долина стала от овец бела.
Я попрошу прощенья у эстетов,
Что я отару, не смутясь, вплела
В венок своих лирических сонетов.
Мой край таков. А я люблю

мой край,

И запах шерсти, и айран пахучий,
Ты снова, сердце, властно повторяй:
— Орира-рира! — Нету песни лучше.

Пока мы путь с отарою вершили,
Простор кармином озарил вершины.

VI.

Простор кармином озарил вершины.
В песчаной россыпи блестящие глаза.
Пусть не алмаз, а чудо совершили
Цвета зари и светлая роса.
Приник родник к скале зеленогорбой.
Негромкий выстрел чащу пересек.

И вслед за ним, отчаянно и гордо,
Ища защиты, выскочил зверек.
Зайчишку серого из-под куста
спугнули —
И в это время встретятся враги.
Я не охотник, дичь не караюлю.
Боишься? Что ж, и от меня беги.

Здесь далеко услышишь каждый шаг,
На плечи гор накинута тонкий шарф.

VII.

На плечи гор накинута тонкий шарф.
Стал очень бледным месяца осколок.
Протягивают сосны чуть дыша
Охапки растопыренных иголок.
Они не колются, они еще мягки.
Деревья словно понимают дружбу:
Коснется ветка лапою щеки —
И отводить ее совсем не нужно.
Захочешь, горы отомкну ключом.
Тот ключ простой — он добротой
зывается.
Утес поддержит нас своим плечом,
И камень шаткий в пропасть
не сорвется.

Пойдем, пойдем туда, где вдоль
лощины
Туман умыл гранитные морщины.

VIII.

Туман умыл гранитные морщины.
Твои глаза, единственные, нежны,
Как хорошо, что взрослому мужчине
Порой ребячьи радости нужны.
Бежим с тобой, как будто юность
где-то

Нас поджидает снова, верный друг.
Одной любовью и одним рассветом
Освещено пожатие наших рук.
Нас приглашает яркое светило

К той высоте, где лишь орел кружит.
Почудилось — сынов не мы растили,
И все сначала нужно пережить.

Я лишь прошу у всех грядущих лет:
Пусть вновь и вновь приходит к нам
рассвет!

IX.

Пусть вновь и вновь приходит к нам
рассвет!

Ведь и любовь не переносит мрака —
Цветка чувствительнее нет,
Он осыпается быстрее мака.
Я говорю известное давно
И не прошу поэтому ответа.
Но человеку многое дано:
Растить цветы и охранять от ветра.
Черты зари несказанно чисты.
Но и у полдня есть свои приметы.
Там зорче даль, ответственной мечты.
Мой друг, не будем забывать об этом.
Присущи людям к верности
стремленья
Тысячелетия от первого рожденья.

X.

Тысячелетия от первого рожденья
Горит Венера, ранняя звезда.
Она знакома многим поколениям,
Но только наше долетит туда.
И солнца луч, стократно отраженный
На матовых экранах корабля,

XII.

Дающий радость, уносящий тени,
Пришел рассвет. Пробуждена строка,
Открыта даль для дум и вдохновений,
Тяжелые умчались облака.
Припомнился мне дедовский обычай,

Что если горец не встречал восход,
Его минуют взгляд и смех девичий.
Тот юноша подруги не найдет.
Наедине со мной порыв и разум.

И на скале раскрывшийся бутон.
Он дик и смел, он тоже сын Кавказа!
А увядание потом, потом...
Цветок любви доверчиво храня.
Что он принес, не спрашивай меня!

XIII.

Что он принес, не спрашивай меня!
Я благодарна акварельным краскам.
Что каждый раз, волнуя и маня,
Рисуют нестареющую сказку.
Дупло на дереве, звериный след,
Резвящая шумно птичья стая —

О сколько здесь встречается примет,
Которые, как книгу, я читаю.
А на краю спадающей тропы,
Пока скрашенной местами ало,
Трудяга-солнце желтые снопы
Рекой неугомонною связало.

Каким не стал бы цвет его огня.
Рассвет — награда. Он — начало дня.

XIV.

Рассвет — награда. Он —
начало дня.
Пою хвалу земле преображенной.
Скачу в седле, и грива у коня
Несется рядом факелом зажженным.
От сердца к сердцу предстоит
мне путь.
Я не ищу ни почестей, ни славы.
Стучит в висках, сжимает ветром
грудь,
Но повернуть я не имею права.
— Орира-рира! — Это голос гор.
В нем столько щедрости,
в торжественном и мудром!

Спешу к тебе, лечу во весь опор,
Чтоб встретить день
и распрощаться с утром.
Дороги наши на заре сошлись.
Открой глаза, мой друг,
скорей проснись!

«СЛУЖИТЬ ПОЭЗИИ...»

У самого подножья Эльбруса лепятся ныне покинутые старые сакли, их сменяют современные постройки. Это — Хурзук, новый и самый древний карачаевский аул. Здесь в 1917 году родилась будущая известная поэтесса Халимат Байрамукова.

С детских лет одержимость поэзией стала смыслом ее существования. Незаметно текли часы над строками любимого поэта Лермонтова. Халимат много писала и сама—стихи и пьесы, с успехом шедшие на самодеятельной сцене. Дальнейшее становление таланта Байрамуковой проходило в творческой атмосфере литераторов Микоян-Шахара (ныне г. Карачаевск), где в 30-е годы успешно работали Исса Каракотов, Азрет Уртенев, Хасан Аппаев. Тогда же Халимат Байрамукова начала печататься (в 1938 году вышел первый сборник ее стихотворений) и вскоре была принята в Союз писателей. В годы Великой Отечественной войны Х. Б. Байрамукова военфельдшер. Потом — учительница в Казахстане. После XX съезда КПСС в творчестве поэтессы начался новый, плодотворный этап, мужает и

крепнет ее поэтический голос. Очень многое дала ей учеба в Литературном институте им. А. М. Горького.

Халимат Байрамукова пишет и стихи, и прозу. Широко известны ее книги: «Любимые горы», «Семья Карчи», «Залихат», «Годы и горы». Ряд произведений писательницы, в том числе известные рассказы «Черное платье», «Айран», «Где горянка?» переведены на иностранные языки.

Наибольший успех выпал на долю поэтического сборника «Стихи» (1963). Он разошелся с завидной быстротой и получил положительный отклик в центральной и местной печати: в «Дружбе народов» и «Литературной газете», в «Октябре» и «Ставрополье» и др. Теплыми письмами откликнулись на книгу многочисленные читатели.

Читая стихи Халимат Байрамуковой, понимаешь, почему автор дал своей книге такое название и что это — раздумья. Раздумья человека, настигнутого бурным и стремительным ходом нашего века, когда порой не хватает времени для длинных поэтических излияний. То, что волнует и тревожит, может вылиться всего в четверостишии:

Что со мной?! Я снова жду ответа
На вопросы. Вновь тревогу бью...
То ли многого я жду от века,
То ли мало веку отдаю?

Такая поэтическая альтернатива, передающая глубокую взволнованность поэтессы, чувство неразрывной связи её поэзии с сегодняшним днём, присуща многим стихотворениям Халимат. В них — биение сердца поэта, неровность трепетной мысли. Каждое стихотворение Байрамуковой — это большой спор. Спор с теми, кто по обывательски растрачивая жизнь, жалуется на обошедшую его судьбу, кто «сам не знает для чего живёт». Символом равнодушия выступает в стихах образ обывателя, которому и солнце не нравится и который из всех цветов времени предпочитает «голубенькое» или «желто-сдобное», не замечая «лучистого» цвета будущего. Дума о бесстрашной героине Джамиле Бухиред, пошедшей в огонь и воду, на борьбу и муки, над головой которой «тюрьмы сомкнулся свод», в воображении поэтессы сразу же вызывает контрастный образ:

А у иного — на свободе руки
Но он от скуки
Их засунул в брюки.

С гневной, язвительной интонацией спорит автор с теми, кто откровенно «подделался к завтрашним блинчикам» и с теми, «кто с виду чист и суров», но пальцем не шевельнет в защиту своих убеждений. Дела, а не слова должны ценить люди — таков вывод поэтессы,

крепнет ее поэтический голос. Очень многое дала ей учеба в Литературном институте им. А. М. Горького.

Халимат Байрамукова пишет и стихи, и прозу. Широко известны ее книги: «Любимые горы», «Семья Карчи», «Залихат», «Годы и горы». Ряд произведений писательницы, в том числе известные рассказы «Черное платье», «Айран», «Где горянка?» переведены на иностранные языки.

Наибольший успех выпал на долю поэтического сборника «Стихи» (1963). Он разошелся с завидной быстротой и получил положительный отклик в центральной и местной печати: в «Дружбе народов» и «Литературной газете», в «Октябре» и «Ставрополье» и др. Теплыми письмами откликнулись на книгу многочисленные читатели.

Читая стихи Халимат Байрамуковой, понимаешь, почему автор дал своей книге такое название и что это — раздумья. Раздумья человека, настигнутого бурным и стремительным ходом нашего века, когда порой не хватает времени для длинных поэтических излияний. То, что волнует и тревожит, может вылиться всего в четверостишии:

Что со мной?! Я снова жду ответа
На вопросы. Вновь тревогу бью...
То ли многого я жду от века,
То ли мало веку отдаю?

Такая поэтическая альтернатива, передающая глубокую взволнованность поэтессы, чувство неразрывной связи её поэзии с сегодняшним днём, присуща многим стихотворениям Халимат. В них — биение сердца поэта, неровность трепетной мысли. Каждое стихотворение Байрамуковой — это большой спор. Спор с теми, кто по обывательски растрачивая жизнь, жалуется на обошедшую его судьбу, кто «сам не знает для чего живёт». Символом равнодушия выступает в стихах образ обывателя, которому и солнце не нравится и который из всех цветов времени предпочитает «голубенькое» или «желто-сдобное», не замечая «лучистого» цвета будущего. Дума о бесстрашной героине Джамиле Бухиред, пошедшей в огонь и воду, на борьбу и муки, над головой которой «тюрьмы сомкнулся свод», в воображении поэтессы сразу же вызывает контрастный образ:

А у иного — на свободе руки
Но он от скуки
Их засунул в брюки.

С гневной, язвительной интонацией спорит автор с теми, кто откровенно «подделался к завтрашним блинчикам» и с теми, «кто с виду чист и суров», но пальцем не шевельнет в защиту своих убеждений. Дела, а не слова должны ценить люди — таков вывод поэтессы,

страстно утверждающей в людях черты коммунистического Завтра:

Стань одною ногой
В настоящее.
А в грядущее —
Всем существом!

Философская глубина, склонность к рассуждениям, обобщениям свойственны и интимной лирике Байрамуковой. Разумеется, среди её стихотворений есть и просто исповедь сердца, любящего и страдающего; есть и стихи-шутки, сатирические куплеты, жанровые сценки и стихотворения-повествования. Но все же лицо поэзии Байрамуковой определяют, пожалуй, не они, а поэтические раздумья автора о жизненном назначении человека.

Особенности содержания повлекли за собой характерную композицию стихотворений-раздумий. Они обычно строятся либо на контрасте двух посылок («Джамиле Бухиред», «Люблю народ мой», «Открывалась книга»), либо на развитии и конкретизации основного поэтического суждений, данного в начале стихотворения («Свои цвета, оттенки у времен», «Нет, никогда не уходят годы в лету» и др.). Почти всегда стихотворения заканчиваются выводами, четкими, напоминающими резюме сонета.

Раздумья, не переходящие в риторику или голое назидание, отвечают национальным традициям горских народов. В своё время известный ученый Карачая У. Алиев подчеркивал, что исторические условия способствовали развитию в Карачае красноречия, склонности к обобщениям, красочным и мудрым. Мы и сейчас являемся свидетелями того, как ценится в народе серьезное и мудрое слово, как не обходятся без него ни семейный праздник, ни веселое торжество. Но отвечая особенностям национального характера, раздумья Байрамуковой формировались новым историческим опытом народа, жизненным опытом самой поэтессы, который явственно проступает в ее стихотворениях. Нет, не шла горянка Халимат по жизни стороной. «И в двадцать лет висок седой» — горькое свидетельство раннего возмужания. «Дочь столяра простого в Хурзуке», она прошла по дорогам войны, «дорогам горя и забот»:

Молодость я запахнула в шинель
И плотно шинель застегнула.

Читая эти строки, невольно вспоминаешь надоевшие «терминологические» споры: быть или не быть в поэзии лирическому герою? Нужен ли этот «посредник» между поэтом и читателем? В пылу полемики забывалось, что без типизации не может быть искусства, а типизация есть не что иное, как умение найти в инди-

страстно утверждающей в людях черты коммунистического Завтра:

Стань одною ногой
В настоящее.
А в грядущее —
Всем существом!

Философская глубина, склонность к рассуждениям, обобщениям свойственны и интимной лирике Байрамуковой. Разумеется, среди её стихотворений есть и просто исповедь сердца, любящего и страдающего; есть и стихи-шутки, сатирические куплеты, жанровые сценки и стихотворения-повествования. Но все же лицо поэзии Байрамуковой определяют, пожалуй, не они, а поэтические раздумья автора о жизненном назначении человека.

Особенности содержания повлекли за собой характерную композицию стихотворений-раздумий. Они обычно строятся либо на контрасте двух посылок («Джамиле Бухиред», «Люблю народ мой», «Открывалась книга»), либо на развитии и конкретизации основного поэтического суждения, данного в начале стихотворения («Свои цвета, оттенки у времен», «Нет, никогда не уходят годы в лету» и др.). Почти всегда стихотворения заканчиваются выводами, четкими, напоминающими резюме сонета.

Раздумья, не переходящие в риторику или голое назидание, отвечают национальным традициям горских народов. В своё время известный ученый Карачая У. Алиев подчеркивал, что исторические условия способствовали развитию в Карачае красноречия, склонности к обобщениям, красочным и мудрым. Мы и сейчас являемся свидетелями того, как ценится в народе серьезное и мудрое слово, как не обходятся без него ни семейный праздник, ни веселое торжество. Но отвечая особенностям национального характера, раздумья Байрамуковой формировались новым историческим опытом народа, жизненным опытом самой поэтессы, который явственно проступает в ее стихотворениях. Нет, не шла горянка Халимат по жизни стороной. «И в двадцать лет висок седой» — горькое свидетельство раннего возмужания. «Дочь столяра простого в Хурзуке», она прошла по дорогам войны, «дорогам горя и забот»:

Молодость я запахнула в шинель
И плотно шинель застегнула.

Читая эти строки, невольно вспоминаешь надоевшие «терминологические» споры: быть или не быть в поэзии лирическому герою? Нужен ли этот «посредник» между поэтом и читателем? В пылу полемики забывалось, что без типизации не может быть искусства, а типизация есть не что иное, как умение найти в инди-

видуальном, в личном опыте то, что волнует многих. Разве лирическая героиня стихов Байрамуковой — это только горянка Халимат, а не тысячи женщин, подобно ей переживавшим горечь раннего вдовства и трудное позднее счастье, тревогу матери за первую доверчивую улыбку малыша?

В книге у меня так много «я»,
Но все эти «я», — пойми! — не я.
Слить в себе десятки тысяч «я»
Или слиться с ними — цель моя.

Эту неразрывность со своим поколением подчеркивают многие стихи поэтессы, обращенные к «ровестникам романтики суровой» и её вывод: «Недаром прожиты все эти сорок лет» (Нелепо было бы предполагать, что только к личной судьбе могли относиться эти слова).

Для стихов Байрамуковой характерно единство национального и интернационального. Как через любовь к близким людям открывается нам красота мира, красота Человека, так и через любовь к родному народу, его добрым национальным обычаям, его языку поэт приобщается к глубокому интернациональному чувству братства и дружбы народов. Вот почему в стихах Байрамуковой стоят рядом и песни о родном крае — «Родные хребты Карачая меня в колыбели качали» и

лирическое обращение: «Одолжи мне, земля, все слова всех народов твоих!»

Поэтическому голосу Байрамуковой свойственны собранность, отсутствие бьющего в глаза пафоса и красивых слов. Объяснение этому мы найдем в особенностях национального характера горцев, привыкших прятать возвышенное чувства («Я горянка, а в горах живёт слишком строгий, сдержанный народ», — говорит об этом сама поэтесса). Эти черты присущи и любовной лирике Байрамуковой—вспомним её стихотворение «Нередко горец нежным быть скупится» — и стихам о природе. Пейзажа, как такового, в стихах Байрамуковой почти нет, хотя они и называются «Теберда», «У Эльбруса». Если русских писателей кавказская природа поражала своей необычностью, «экзотикой» и поэтому вызывала слова и образы тоже необычные, яркие, то для горца, выросшего в горах, природа — часть его бытия.

В то же время нельзя не заметить в лирике Байрамуковой и нового восприятия природы, рожденного интеллектом, гармоническим развитием чувств нашего современника. Но это эстетическое восприятие природы выражено поэтессой настолько оригинально, что сделанный Г. Кориным русский перевод стихотворения «У Эльбруса» не затеряется среди множества других прекрасных стихотворений о Кавказе. И в других стихотворениях Байрамуковой образ горного края

становится поэтическим средством воплощения народного характера. Горы, следующие за человеком всюду, заморозившие его «властным взором к подвигам могучим и суровым», кажется передают свою твердость людям. «Горы любят сильных и бесстрашных», — говорит поэтесса.

Поистине для самобытной национальной поэзии вовсе не обязательна уснащенность этнографическим материалом или особыми языковыми оборотами. В поэзии Байрамуковой их нет, за исключением, быть может, нескольких сравнений («Было б сердце в разговоре толмачом!»). Но облик современника-горца, склад его мышления раскрыты ею глубоко. И не последнюю роль в этом сыграли мастерски воссозданные образы родной природы.

В переводах стихов Байрамуковой приняло участие тринадцать поэтов из Москвы, Ростова, Ставрополя, Черкесска. Это прекрасный пример содружества писателей, сделавших стихи карачаевской поэтессы доступными миллионам читателей. Переводы многократно расширяют сферу воздействия ее подлинно партийной, воинствующей поэзии. И здесь не найти слов лучше тех, что сказаны самой поэтессой:

Быть для моей страны всего полезнее
И значит для меня служить поэзии.

Л. Егорова.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1.

В книге у меня. Пер. Н. Матвеева	7
Весенняя осень моя.	8
Доверчиво, тревожно. Пер. Р. Казакова	9
О человеческие лики. Пер. И. Лиснянская	10
Нет. Женские песни. Пер. Н. Матвеева	11
Никогда у сердца не пыталась. Пер. Н. Матвеева	12
Свои цвета, оттенки у времен. Пер. Н. Матвеева	14
Солнце землю блеском обдает. Пер. Н. Матвеева	15
Думаешь, с криком «Ура!». Пер. Н. Матвеева	16
Что ни утро. Пер. Н. Матвеева	17
О Ленине пишут. Пер. Н. Матвеева	18
Ты любишь степи. Пер. А. Яльмарова	19
Русские люди. Пер. Н. Матвеева	20
Земля. Пер. И. Лиснянская	22
Чтоб забывая день вчерашний. Пер. В. Журавлев	24

Песни двадцатых годов. Пер. В. Журавлев	25
В каждые строки. Пер. И. Лиснянская	26
Типично русские черты. Пер. Н. Матвеева	27
Земля. Пер. Н. Матвеева	28
Назад не возвращаются. Пер. Н. Матвеева	29
Короткий день. Пер. Н. Матвеева	30
Любимым деревом. Пер. И. Лиснянская	33
Хотела бы я стать. Пер. Н. Матвеева	31
Ты говоришь Пер. И. Лиснянская	35
Мы творим чудеса. Пер. Н. Матвеева	36
Доверчиво, тревожно. Пер. Р. Казакова	39
Я не лучше других. Пер. И. Кнуру	37
Меня, убитую войной. Пер. Б. Куликов	38
Нет, никогда. Пер. Н. Матвеева	39
Боюсь я стать. Пер. И. Лиснянская	40

2.

«Люблю народ мой». Пер. Н. Матвеева	43
Родные хребты. Пер. Г. Каменная	44
Нередко горец. Пер. Д. Злобина	46
Горянку стройную. Пер. Д. Злобина	47
Бывает, устану. Пер. Д. Злобина	48
Горы, что вы сделали со мной. Перевела Н. Матвеева	49
Теберда. Пер. А. Яльмаров	50
Какие высокие горы. Пер. Н. Матвеева	51

Куда бы ни ушла. Пер. Н. Матвеева	52
У Эльбруса. Пер. Г. Корин	53
В одном колхозе. Пер. Н. Матвеева	54
Хасанчик ликует. Пер. Н. Родичев	55
Вы бывали на Кавказе? Пер. Н. Матвеева	56

3.

Над речкой быстрой. Пер. Н. Скребов	59
Моя страна. Пер. Г. Каменная	61
Его хлеснуло по глазам. Пер. Г. Каменная	63
Осенняя ночь. Пер. Н. Скребов	64
Не плачу, что ветер. Пер. Н. Матвеева	65
Руку солдат потерял. Пер. Н. Матвеева	66
Узнав о том. Пер. Н. Матвеева	67
Мой бог. Пер. Г. Корин	68
Я только вышла из гнезда. Пер. Г. Корин	69
Бураны тебя закидали. Пер. Н. Матвеева	70
Когда обвал грозит аулу. Пер. О. Фокина	71
Горами любят все. Пер. О. Фокина	72
А мне нехватает любви. Пер. О. Фокина	73
Мы с тобой, наверно. Пер. О. Фокина	74
Меня ничто не сторонилось. Пер. Г. Корин	75
Казахстану. Пер. В. Журавлев	76
Как хорошо мы жили. Пер. Н. Матвеева	77
Увижу чужого ребенка. Пер. Н. Матвеева	79
Ты, жизнь, в долгу. Пер. Б. Куликова	80

Если жизнь разделить. Пер. В. Стрелков	81
Осень во дворе. Пер. Н. Матвеева	82
Мое поколение. Пер. Г. Каменная	83

4.

Я проснулась. Пер. Н. Матвеева	87
Меж землей. Пер. Н. Матвеева	88
Я в этом мире. Пер. И. Лиснянская	89
Отчего седины мы боимся. Пер. Н. Матвеева	91
Расплескался чай. Пер. Н. Матвеева	92
Пчела лежала на полу. Пер. Н. Матвеева	93
Чья-то жизнь завершилась. Пер. Н. Матвеева	94
Что там за дерево. Пер. Н. Матвеева	95
Прошел и этот день. Пер. Н. Матвеева	96
Дочь умерла. Пер. Н. Матвеева	98
Заранее выбрав путь. Пер. В. Журавлев	99
Тот день. Пер. В. Журавлев	100
Пусть на заре. Пер. В. Свирин	102
Всегда я в пути. Пер. И. Озерова	103
Мешаю ли друзьям. Пер. Н. Матвеева	104
Мы счастье ценим. Пер. Н. Матвеева	105
День и ночь. Пер. Н. Матвеева	106
Мы встретились. Пер. Г. Корин	107
Да. Ошибалась я. Пер. Р. Казакова	108
Не хочет день уйти. Пер. Б. Куликов	109

Есть людская глупость. Пер. Г. Каменная	110
Размеренной жизни. Пер. Н. Матвеева	111
Жизнь — это ожидание. Пер. Н. Матвеева	114
Одна ли я. Пер. Р. Казакова	116
Не прошу. Пер. Н. Матвеева	117
Бывают дни. Пер. А. Яльмаров	118

5.

Когда б любовь. Пер. Н. Матвеева	121
Пообещай. Пер. Р. Казакова	122
Милый, все это нам. Пер. И. Лиснянская	123
Не знаю, за что меня. Пер. И. Лиснянская	124
Я знаю, как танцуют розы. Пер. И. Лиснянская	125
Безбрежную я стала. Пер. И. Лиснянская	126
Люблю тебя. Пер. Р. Казакова	127
Из письма. Пер. М. Ибрагимов	128
Я полагала. Пер. Н. Матвеева	129
Мне сказали. Пер. Р. Казакова	130
Мы сидели, говорили. Пер. Г. Корин	131
Ты ушел от нее. Пер. И. Озерова	132
Сегодня плохо пишутся стихи. Пер. Г. Каменная	134
Ночью мне снилось. Пер. Г. Каменная	135
Спокойно, говоришь, дочь? Пер. Б. Куликов	136
Не встречаешь. Пер. И. Лиснянская	137
Одна я в комнате. Пер. И. Лиснянская	138
Мне снился сон. Пер. И. Озерсва	140

Ждала, считала дни. Пер. Р. Казакова	141
Ни разу почта. Пер. Р. Казакова	142
Я живу, живу.	143
Нам все говорят. Пер. Р. Казакова	144
Радуюсь я письмам. Пер. М. Ибрагимов	145
Думаешь, я ослепла. Пер. Н. Матвеева	146
Недоверие твое. Пер. Н. Матвеева	147
Быть может. Пер. Н. Матвеева	148
Чем к тебе другие холоднее. Пер. Н. Матвеева	149
Я все снесу. Пер. Р. Казакова	150
За что не любишь. Пер. Н. Матвеева	151
И снова день и снова ночь. Пер. Б. Куликов	152
Я замужняя. Пер. И. Лиснянская	153
Засохли, завяли. Пер. Н. Матвеева	154
В саду больницы. Пер. Н. Матвеева	156
Боль с безбольем. Пер. Н. Матвеева	158

6.

Ушел навсегда ты. Пер. Б. Куликов	161
Сердце мое пламенеет. Пер. Г. Каменная	162
Уходишь ты один. Пер. А. Яльмаров	163
Все ушло. Пер. Н. Матвеева	164
Нам один полумесяц. Пер. Н. Матвеева	165
Никогда моя рана. Пер. И. Лиснянская	166
Разлука. Пер. В. Стрелков	167
Сыну. Пер. В. Садюнов	168

Ты спросил. Пер. Г. Орловский	170
Детишки под окном. Пер. Г. Корин	171
Сынишке снится. Пер. Р. Казакова	172
Лекарство сына. Пер. А. Яльмаров	173
И двух шагов. Пер. Н. Матвеева	174
Сыну. Пер. Н. Матвеева	175
В кино пришлось идти. Пер. И. Лиснянская	176
На край кровати. Пер. Н. Скребов	177
Я тебя одного. Пер. Г. Орловский	178

7.

Песни времени. Пер. Р. Казакова	181
Смогу ли я. Пер. М. Ибрагимов	182
Мне без труда. Пер. Г. Каменная	183
Я всегда. Пер. Н. Матвеева	184
Лейся, песня. Пер. Н. Матвеева	185
О вдохновенье. Пер. Н. Матвеева	186
Два сына	188
Когда б всерьез. Пер. Д. Злобина	189
Судьба поэта. Пер. Н. Матвеева	190
Поэт всегда с людьми. Пер. Н. Матвеева	191
Упорно лезут. Пер. Н. Матвеева	192
Так хочу я писать. Пер. Каменная	193
Я — чья-то возможность. Пер. И. Озерова	194
Черновиков. Пер. Н. Матвеева	196

Поэты поэтов. Пер. И. Лиснянская	198
Моим стихам. Пер. И. Лиснянская	199
Поставлено.	200
Мой карандаш. Пер. И. Озерова	201
Картошку разрезаю.	202
Отчего не устаю. Пед. И. Лиснянская	203
Вот и допелась песня. Пер. Н. Матвеева	204
Уйду, минуя. Пер. Н. Матвеева	205
Что со мной. Пер. Н. Матвеева	206

8.

О небе ли пишу. Пер. Б. Куликов	209
Два лицемера. Пер. Р. Казакова	210
Он силится. Пер. И. Лиснянская	211
Десятый раз. Пер. Н. Матвеева	212
За окошком вагонным. Пер. Н. Матвеева	213
Закрыто горлышко. Пер. И. Лиснянская	214
Не дочитает и полкниги. Пер. Г. Корин	215
Тот этого хвалит. Пер. Н. Матвеева	216
Работу? Пер. И. Кнуру	217
Бабка в палисаднике. Пер. И. Озерова	218
Все гости на земле. Пер. И. Лиснянская	219
Болела бабушка. Пер. И. Лиснянская	220

Иду напевая. Пер. Лиснянская	221
Он дома — лев. Пер. Р. Казакова	222

9.

Поэма о сестре. Пер. Г. Каменная	225
Утро. Пер. Г. Каменная	243
«Служить поэзии» Л. Егорова	255

*Халимат Башчиевна
Байрамунова*

ВЕСЕННИЙ ПОЛДЕНЬ

Стихи

Редактор Н. М. Кагиева
Художник Н. Д. Будников
Художественный редактор
М. П. Бертник
Технический редактор
Г. М. Хомякова
Корректор Н. А. Северина

Сдано в набор 10-11-66 г.
Подписано в печать 26-11-66 г.
Формат 60х90^{1/32} Печ. л. 8,5
Уч.-изд. л. 6,1. Тираж 1000 экз.
ВУ 33041. Заказ №686
Цена 34 коп.

Ставропольское
книжное издательство.
Черкесская типография,
г. Черкесск, Комсомольская, 31.

Цена 34 коп.

СТАВРОПОЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕРКЕССК — 1966